

НАДЕЖДА ПЕРВУХИНА

ЗАБОТЛИВАЯ

ЖЕНСКАЯ

РУКА

Надежда Первухина

Заботливая женская рука

«Первухина Надежда»

2004

Первухина Н. В.

Заботливая женская рука / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», 2004

Говорят, несладко мужчине живется без заботливой женской руки. А если в его доме такая рука объявилась? И заботливая, и ласковая, а главное, волшебная! Живи да радуйся, чувствуй себя особенным да избранным! Ведь не жизнь получается, а святочная сказка. Но некоторые типы вроде Трифона Оглоедова не понимают своего счастья. И всеми силами пытаются от счастья отвертеться. Однако, когда за твоей безмолвной, скромной и ручной домохозяйкой начинают охотиться темные маги, агенты ФБР, царевичи-мутанты и даже братва по разуму; когда ту, на которую ты и внимания-то не обращал, объявляют артефактом и объектом религиозного поклонения, – тут пора призадуматься и о собственной роли в жизненной комедии! Словом, джентльмены, вас любят! Будьте бдительны!

© Первухина Н. В., 2004

© Первухина Надежда, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Надежда Первухина

Заботливая женская рука

...Напиши я серьезную книгу, начиненную разными добрыми советами, ничего путного из этого не получится, потому что никто из ныне живущих не стал бы тратить свои деньги на подобное сочинение и никто не стал бы его читать.

Ли Юй. Полночник Вэйян, или Подстилка из плоти

г. Кимовск, Тульская область, Россия

7 января, среда, 19:30

Мужчин нужно любить.

Глубоко, самозабвенно, бережно, трепетно и всю свою сознательную жизнь.

И причем не абы как любить, не бабушкиными методами, а с учетом современных достижений психологии и сопредельных с нею дисциплин. А бессовестную и надоедливую аксиому «Все мужики – сволочи» следует считать противоречащей моральному облику личности современного мира и запретить специальным параграфом Женевской конвенции по правам человека.

Вы не согласны?...

Ну знаете ли! Не понимаю, куда тогда катится мир!

Прямо в какую-то бездну жестокого первобытного и исторически абсолютно бесперспективного матриархата!

Ведь что бы там ни говорили, а мужчины нынче – самые незащищенные и зависимые слои населения нашей славной планетки!

Судите сами.

По данным неуклюжей науки статистики и алкогольно зависимой науки психологии, современные мужчины подвержены капитальной зависимости от:

- перипетий карьеры и настроения начальства;
- курса валют и цен на нефть;
- благосклонности своего автомеханика;
- количества и качества алкогольных и слабо-алкогольных напитков, то же о табаке;
- квартирного вопроса и вопроса продолжения рода (в смысле: а надо ли?);
- женского коварства, коварства производителей поддельной виагры, а также коварства погоды.

И ведь это далеко не полный перечень!

Верно, джентльмены?

Немудрено, что жизнь у современного мужчины по всем статьям выходит самая что ни на есть скорбная умом и сердцем. И добро бы, если б другие, якобы разумные существа, то бишь женщины, это понимали! Так ведь нет!

Женщине все параллельно, а также сугубо розово и фиолетово. Из любой ситуации практически любая женщина выкрутится-вывинтится без особых моральных потерь. Как говорится в одной древне-китайской поговорке, всякая женщина столь хитра, что может одновременно и вкушать копченого угря, и получать чувственное удовольствие. Какие перипетии карьеры, какие грозные начальники могут заставить понервничать женщину, когда она возьмет да и в декрет уйдет, и ни один начальник ей не указ! Касательно же мудреных вещей вроде курсов валют, мировых цен на нефть... так женщины издавна их не особенно-то уважают и даже немного побаиваются, вроде инструкции на сушили к стиральной машине «Вятка-автомат». Благосклонность автомеханика – вообще для женщины не проблема, и чем сия женщина глупей и симпатичней, тем механик сговорчивей да благосклонней (проверенный факт). Вопросы

же матримониальные и квартирные женщина решает по мере поступления и, как правило, катастрофически успешно. Потому что решает их за счет мужчин, к тому времени уже накормленных поддельной виагрой и обалдевших от паршивой водки и сигарет.

И кому же легче живется, господа?

Вот и я о том же.

Так что мужчин любить надо.

Тем более что они от этой самой любви тоже в капитальную зависимость попадают и даже бывают готовы на некоторые подвиги и общехозяйственную помощь. А когда у них с любовью напряженка – страдают, не спят ночами, маются с похмелья и в целом не удовлетворяются жизнью. Хотя изо всех сил старательно разыгрывают перед окружающими этакого мужественного мачо-бодрячка или донельзя делового бумагогрыза, которому всякие нежности-сентиментальности вовсе не требуются. Вроде как в той глупой рекламе: «У них есть секс, они думают, что у них есть любовь. А у Тинькова есть ракушка, и он думает, что это мобила».

Вот в этом, кстати, заключается еще одна трагедия современного мужчины.

Он слишком много думает.

И слишком мало любит.

Хотя, возможно, такое положение вещей иногда вполне его устраивает.

И по отношению к Трифону Вамбонговичу Оглоедову это утверждение на сто процентов верно.

Потому что Трифон Вамбонгович Оглоедов в свои двадцать три года чересчур много думал да и додумался до того, что счел себя не просто баловнем судьбы, а абсолютно счастливым человеком. Он был всем доволен, скептически относился к переменам и авантюрам, считал себя человеком с богатым внутренним миром и массой как откопанных, так и еще находящихся в стадии выкапывания талантов. И искренне не понимал, почему все остальные этого не замечают и не преисполняются здоровой зависти к его, Трифона, образу жизни.

А пресловутые «все остальные» только диву давались, как такого идиота еще земля носит. И судьба терпит.

Опять-таки судите сами...

Зачат Трифон Вамбонгович был под золотые фанфары Олимпиады-80. Его юная (в ту пору) мама, кандидат в мастера спорта по толканию ядра, вспылала внезапной, короткой и, к счастью, взаимной страстью к выходцу из дружественной Африки, непревзойденному чемпиону по русским шашкам, Вамбонге Найре-Оглоэде. Разумеется, в олимпийскую программу турнир по русским шашкам не входил, и Вамбонга Найра-Оглоэда просто приехал в составе кучной и шумной африканской спортивной делегации, но это вовсе не помешало ему в рекордные сроки пленить могучую русскую красавицу. Из-за частых отлучек в Олимпийскую деревню к дружественному африканцу мама Трифона не смогла качественно толкнуть ядро, вылетела из состава сборной, а заодно и из комсомола – за аморальное поведение. И тут же судьба скорчила новую гримасу: Вамбонга вместе с делегацией воротился в родимую Африку, оставив русской возлюбленной пару сувенирных масок из эбенового дерева, старый гольфик из листьев травы запарибодягу, а также возможность сетовать на судьбу матери-одиночки.

Впрочем, сетовать пришлось недолго. Мама Трифона была не просто красавицей-спортсменкой, но и женщиной чудовищно ядерного темперамента и потому, несмотря на отягощающее обстоятельство в виде крикливого младенца, сумела выйти замуж за респектабельного пятидесятилетнего стоматолога Авессалома Штокмана. Едва грянула перестройка, стоматолог Штокман отбыл на историческую родину, прихватив с собой коллекцию золотых зубных коронок и ядерную маму Трифона. Самого же мальчика оставили какой-то дальней родственнице, живущей в унылом и подернутом мещанством городке со звонким, как комсомольская путевка, названием Кимовск. И опять-таки Трифону несказанно повезло. С родственницей. Потому что оказалась она, Октябрина Павловна Мусагетова, директрисой местной школы искусств и

вообще дамой, крепко двинутой всем прекрасным и вечным. Так что юному Трифону пришлось последовательно пройти адовы круги обучения скрипке, вокалу, основам танца, живописи, ваяния и даже актерского мастерства. Но ничего путного из этого не получилось: с музыкальным слухом у мальчика были серьезные и неразрешимые проблемы, балет отпал сам собой, едва Трифон перебрал с весом (и продолжает перебирать до сих пор), а неудачных живописцев да скульпторов и без того на душу населения приходится больше, чем каких-нибудь тестомесов или патронажных сестер. Таким образом, потомку далекого африканского друга остался только театр. И Трифон, человек по натуре чрезвычайно рассудительный, решил, что любовь к театру вполне соответствует его внутренним представлениям о творческой свободе. Правда, любовь эта была не совсем взаимной. Потому что Трифон (если кто этого еще не понял) был негром.

Очень, кстати, эффектным негром с ботинками сорок седьмого размера и одеждой размера этак шестидесятого. И ростом под два метра. И головой с копной черных толстеньких косичек. В общем, эдакий ласковый кофейный бегемот с томными глазами, напоминающими два кило грильяжа в шоколаде.

И как, скажите, этому бегемотику играть на сцене, допустим, Гамлета? Или Чацкого? Это ж какой хохот поднимется в зале, если здоровущий негр выйдет на подмостки в роли чеховского дяди Вани?! Спектакль насмарку, сборы нулевые.

Эй, вот только не надо про расизм и все такое! Если герой негр, то автор это не сам придумал. Кому не нравится – можете дальше не читать. Ксенофобы!

Хотя, конечно, были в негромкой актерской карьере Трифона два светлых, в смысле положительных, момента. Роли Отелло и Тома (из известной «Хижины»). Но и тут не все получалось гладко. Дядя Том в исполнении Трифона выходил не заморенным плантаторами хилком, а роковым мужчиной, вождем бунтующих масс, что противоречило авторской концепции. А шекспировский мавр получался настолько устрашающим, что актрисы, исполняющие роль Дездемоны, все поголовно начинали визжать, едва дело доходило до известной кульминации. Потому как страшно: вдруг не рассчитает силу и натурально придушит своими здоровенными ручищами, которыми впору лишь бамперы у автомобилей мять!

Не сказать чтобы Трифон воспылял любовью к сценическим подмосткам с самого нежного возраста. Даже наоборот. Насильственное приобщение к прекрасному так разозлило нашего героя, что он, едва окончив школу, снес на помойку все свои нотные тетради, ксилофон и скрипку (что потом кричала ему родственница, даже представить страшно!). И уехал в областной центр, поступил в университет, на очень далекий от искусства факультет точного машиностроения по специальности «тара и упаковка». Тара с упаковкой были выбраны опять же в пику родственнице: мол, мечтаешь сделать из меня Карузо, так нет, буду заниматься вопросами использования ящиков, бочек и всевозможной бечевки! Но Трифона ждало жестокое изумление, когда с началом занятий он узнал, что избранная им специальность касается отнюдь не упаковочной бумаги для подарков, а самых натуральных гильз для патронов и снарядов! И по окончании университета ждет Трифона работа на каком-нибудь секретном оружейном предприятии, подписка о неразглашении и невозможность выехать за границу!

– Я предупреждала тебя о том, что ты разочаруешься в своем выборе! – кричала Трифону родственница, когда он сдуру откровенно ляпнул ей по телефону, что не такого ждал от поступления в универ. На что Трифон ответил: «С чего вы взяли? Я страшно доволен!» – и понял, что лучше не делиться ни с кем своими надеждами и разочарованиями.

Да и некогда было делиться. Первые два курса Трифон упрямо барахтался в логарифмах, увязал в интегралах и блуждал по линиям всех проекций. Возможно, так бы и жил Трифон, постигая бесконечные истины точного знания, но однажды друзья по общаге буквально силком вытащили упрямого негра на премьерный спектакль студенческого театра «Риск».

И оказалось, что страсть к сцене все еще жива в нашем герое. Он ухитрялся по ночам готовить контрольные себе и трем одноклассникам, вовремя сдавал зачеты и курсовые и еще урывал возможность побывать на спектакле. А скоро из зрителя превратился в актера: молодой и язвительный режиссер «Риска» предложил Трифону сыграть главную роль в комедийном спектакле «Лайма – лучшая подруга Тарзана». После чего Трифону сказали, что роль обезьянки Лаймы он сыграл с удивительным реализмом. Трифон не обиделся. Он давно понял, что театр – его стихия, и пошел сдавать сопромат.

Четвертый курс Трифон закончил, получив степень бакалавра и произведя некоторый фурор в преподавательской среде прекрасными идеями своей дипломной работы на тему «Использование струи воды высокого давления для очистки гильзы от остатков взрывчатых веществ». Трифону стали прочить магистратуру и аспирантуру, но он разумно рассудил, что человек, так до конца и не разобравшийся, чем же давление в паскалях отличается от давления в атмосферах, вряд ли сумеет как следует двинуть вперед гильзопатронную науку. К тому же и порох Трифон видел только в качестве формулы в учебнике.

Получив диплом, Трифон опять-таки не пошел проторенной дорогой поиска работы по специальности, а двинулся своим путем, направление коего знал только сам. Он вернулся в Кимовск и устроился в местный театр мастером сцены. Кроме того, ему иногда перепали роли. А еще он подрабатывал в одном очень крутом и закрытом казино в роли вышибалы, и хотя еще никого не вышиб, одного вида его гигантской фигуры было достаточно, чтоб наглые посетители превращались в милых и интеллигентных людей. Кстати, в этом казино Трифон получил прозвище Кофейная Башня. Бандиты и местные олигархи так и говорили: «Порулили к Кофейной Башне, оттянемся!» Трифона уважали и даже иногда снисходили до разговоров с ним. Хотя кто еще до кого снисходил...

Фи, скажете вы, как это пошло и скучно – герой работает в бандитском казино! Где же его романтичность, где рыцарственные устремления? Нужны ли нам в литературе непоэтичные кофейные башни, которые мечами не машут, магией не владеют, пороху не нюхают, спасением мира от вселенского зла не озабочены? Как с такого героя пример брать?

А никак!

Наш Трифон Вамбонгович вовсе не для того на свет появился, чтоб с него пример брали!

И в казино он работал не по велению души. Просто деньги были нужны. Для получения второго высшего образования. И не где-нибудь, а в столичном университете культуры. Потому что с тех пор, как Трифон впервые увидел язвительного режиссера студенческого театра «Риск», решил стать режиссером сам.

Режиссером, и больше никем.

В этом, кстати, присутствовал и практический момент. Мы уже говорили о том, что ролей у негра в театре – раз-два и обчелся. А для режиссера цвет кожи никакого значения не имеет. Так-то.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что Трифон вожделем мировой славы, потрясающих приключений и возвышенной любви с испепеляющей страстью в придачу. Просто со свойственной всем прекраснодушным людям практичностью он полагал, что успешная карьера позволит ему со спокойным осознанием собственной правоты пропрекраснодушничать всю оставшуюся жизнь. И никто не станет наконец учить его, как правильно строить модель собственного бытия.

К сожалению, он не был романтиком, и это здорово осложняло сам процесс его существования. Но об этом – в свое время. Теперь же упомянем еще об одной особенности Трифоновой натуры.

Был у Трифона один недостаток.

Несмотря на свое прекраснодушие и миролюбивый нрав, все свои сознательные годы жизни Трифон Вамбонгович Оглоедов имел в сердце иррациональное и ничем не обоснованное чувство ненависти.

Он ненавидел зиму.

Во всех ее проявлениях.

Даже самых положительных.

Возможно, поэтому и пришлось ему лет с семнадцати исполнять роль городского Деда Мороза.

Ирония судьбы, как говорится.

Штаб-квартира ФБР, Эдгар-Гувер-билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, США

7 января, среда, 19:30 (время московское)

– Молдер-р-р-р-р!!!

– Че?

– Что «че»?! Что значит «че»?! Куда ты сунул доклад по последней поездке в Висконсин?! Я его три дня готовила!!!

– Расла-а-а-абься, Ска-а-алли. На кой ффак тебе этот доклад?

Очаровательная даже в состоянии лютого гнева Дэйна Катерина Скалли, специальный агент ФБР, грохнула кулаком по столу – как раз в миллиметре от обтянутых несвежими носками ступней Фокса Уильяма Молдера, тоже специального агента ФБР.

Фокс Молдер не дрогнул, только с некоторым любопытством поглядел на напарницу:

– Что-то ты нынче агрессивная, Дэйна. Критические дни?

Скалли позеленела от злости. Фокс автоматически отметил, что светло-зеленый цвет кожи напарницы прекрасно гармонирует с ее рыжими волосами.

– Я специальный агент. – Дэйна Катерина зашипела на Молдера, как перегревшийся автомат для варки кофе эспresso. – И у меня не может быть критических дней! Они мне не положены! Потому что это не предусмотрено штатным расписанием!

Молдер сочувственно прищипнул через дырку от выбитого зуба. Зубом пришлось пожертвовать как раз в недавно завершившемся деле висконсинского маньяка-гуманоидофила, охотившегося за прилетающими на тарелочках братьями по разуму. Маньяка поймали и обезвредили прямо на месте преступления – он непотребно домогался маленького и скромного зеленого человечка. Что интересно, маньяк задержанию не сопротивился. Воспротивился пострадавший, то есть маленький зеленый человечек. Он-то и вышиб Молдеру зуб – лучом из неизвестного на Земле оружия, которое Молдер навскидку определил как молекулярный деструктор третьего поколения.

– Прекрати цыкать, Молдер. – Дэйна явно настроилась на непримиримость. – Лучше бы сходил к стоматологу. А то доцкаешься до того, что кариес отправит тебя в место постоянной дислокации на Арлингтонском кладбище.

– Отстань, Дэйна. – Молдер брезгливо сморщился. – Ты же знаешь, после того как мы вычислили в стоматологической ассоциации действующую секту воинствующих вампиров, я к дантистам – ни ногой.

– Тогда хотя бы ноги со стола убери.

– А чем тебе не нравятся мои ноги?

– Мне не нравится твой парик, который ты сейчас нацепил на ноги.

– Парик как парик. Тон «темный шатен».

– Но почему на ногах?!

– Дэйна, не будь такой забывчивой. Я носил этот парик, не снимая, сорок дней.

– О, шит!

– Шит здесь ни при чем. Это все индейцы племени навахо. Они в последний мой неофициальный визит к ним обрили меня наголо и нанесли на череп специальную татуировку, оберегающую от дурного глаза начальства и помогающую в скоростном карьерном росте. Да, а их главная шаманка заявила, что лысым я смотрюсь куда эротичнее.

– И ты поверил! Жалкий нарциссист! С этой лысиной ты смотришься точь-в-точь как тот бездарный актеришко, никак не вспомню его фамилию... Он еще изображает, что любит кататься на сноубордах в одних шортах и босиком.

– Не понимаю, о ком ты говоришь, – надменно процедил Молдер, но парик с ног снял и принялся непринужденно им обмахиваться. Из парика периодически вылетали какие-то мелкие насекомые.

– А я не понимаю, почему ты таскал на себе эту дрянь целых сорок дней?

– Татуировка такая. Больше месяца должна к коже приживаться. В темноте. Иначе все насмарку. Зато теперь, Скалли, представь, какой я произведу фурор среди наших коллег, заявившись на очередное совещание с татуированной лысиной.

– Тебе опять пропишут нейрорептики, только и всего, – хмыкнула Скалли. – И заставят пройти курс регрессивной психотерапии.

– Обойдутся, – Молдер наконец убрал со стола ноги. – Я сам себе психотерапевт.

– Хорошо, что индейцы тебе только лысину разукрасили, – фыркнула Скалли. – Деммит! – вдруг рывкнула она. – Так вот где папка с материалами по висконсинскому маньяку! Молдер-р-р-р! Да как же ты смел брякнуть на нее свои вонючие лапы!

– А, то-то я понять не мог, что же мне мешает...

– Я должна ее отнести Скиннеру! А ты... Блад бастид!¹

– Скалли, что ты сегодня так торопишься к Железному Вилли? Он тебя вызывал?

– Н-нет... А какое это имеет значение? – опешила Скалли.

– А такое, что с тех пор, как в нашем штате появилась вакансия практикантки и эту вакансию заняла некая особа по имени Тоника Плевински, в кабинет к Скиннеру просто так лишний раз не зайдешь...

– Ты на что это намекаешь, напарник?!

Молдер посмотрел на Скалли невиннейшим взглядом:

– Ни на что. – Неопишуемому выражению его лица мог бы позавидовать даже популярнейший актер Дэвид Духовны. – Ты все равно не поймешь. Тебе по штатному расписанию не положено.

– Молдер, – тяжело сказала Скалли, – а вот это уже сексизм.

– Ай, прекрати! – Молдер картинно махнул ручкой. Но мах получился убогим, потому что протез кисти Молдеру поставили буквально пару месяцев назад, после того как спецгент на собственном опыте убедился, что в озере Мичиган прочно прописался доисторический и вполне живучий зубастый мегалодон. – Я и слова такого не знаю. Ты хотела папку – вот она. Хочешь прямо сейчас ринуться к Скиннеру – пожалуйста. Но за последствия я не ручаюсь.

– А что такое? – Скалли напряглась. – У него опять приватная встреча с этим мерзавцем Курильщиком, да?

Молдер вздохнул. Вот вздохи у него получались отменно – помогал новейший бронхолегочный имитатор, который спецгенту установили вместо легких в качестве дружеского эксперимента братья по разуму, прилетевшие из Крабовидной туманности. Правда, братья по разуму не уточнили, когда прилетят снова, чтобы сменить комплектующие и провести переустановку. Но Молдер надеялся на торжество идеи галактической дружбы. Поэтому вздыхал с оптимизмом.

¹ «Ффак», «шит», «деммит» и, наконец, «блад бастид» – строго секретные и разрешенные только для использования агентами ФБР ненормативные выражения.

– Какой Курильщик? – Еще один вздох. – Скалли, ты меня совсем не слушаешь. Скиннер наверняка сейчас занят. С той самой Тоникой.

– Откуда у тебя эта информация? Ты установил в кабинете заместителя директора ФБР подслушивающее устройство?!

– Неа. Я был у него с четверть часа назад. Отчитывался по делу гоблина-бейсболиста. Так Скиннер меня вполуха слушал. И сейф у него был открыт. А в сейфе – бутылка «Джека Дэниелса», початая, горка с конфетами, виноградом и апельсинами. И главное – коробка с кубинскими сигарами.

– Но Скиннер не курит!

– То-то и оно, Скалли, – многозначительно сказал Молдер. – А в дверях я, уходя от Скиннера, столкнулся с Тоникой. Эта толстуха чуть не размазала меня по стенке – так спешила к нашему Вилли.

Скалли, похоже, начала прозревать.

– Ты хочешь сказать, что наш кристально чистый Скиннер настолько не дорожит репутацией, что...

– Именно.

– ...Что работает еще и на Контору?!

Молдер разочарованно вздохнул:

– Эх, Скалли. Все-таки жаль, что у тебя в жизни некоторые вещи не предусмотрены штатным расписанием.

Скалли обиженно надула губки. Выглядело это жутковато – Молдер тут же подумал, что зря его напарница каждый месяц посещает пластического хирурга. Тем более что хирург был явным оборотнем с наклонностями к некрофилии, просто его никак не могли застукать с поличным.

Пытаясь вернуть раздутым губам нормальную форму, Скалли подхватила папку с делом висконсинского маньяка.

– Вше-таки я попытаюсь добить приема у Шкиннера, – невнятно прошепелявила спецгент. Верхняя губа никак не слушалась и напозала на нижнюю, как шляпка гриба. – Должен же он убедить ф том, што мы не фря... не шря тратим шредштва налогоплательшикоф... Молтер, ну што ты сидишь как иштукан! Доштань иш шейфа мой новый губозакатыватель! Не могу же я ийти к Шкиннеру ф таком виде!

– Тоника Плевински еще и не в таком виде к шефу является, – буркнул Молдер, но просьбу напарницы выполнил – подошел к утопленному в бетонной стене потайному сейфу, набрал код, представляющий собой сумму выигрышных матчей «Ред сокс», и достал замысловатый прибор. Прибор жутковато топорщился хромированными крючочками, посверкивал тонкими, как перышки воробья, лезвиями и нежно бренчал массой свинцовых шариков на тонкой цепочке. Молдер с благоговейным страхом протянул прибор Скалли.

– И как ты только с ним обращаешься... – протянул он. – Это же наверняка очень больно...

Скалли повертела в руках убийственную штучку, поднесла к своей распухшей губе... Молдер нервно зажмурился...

– Ну вот, – услышал он через секунду вполне нормальный и бодрый голос напарницы. – Отлично помогает восстанавливать форму. Молдер, можешь открыть глаза. Уверю тебя, это несмертельно.

Молдер подчинился. Посмотрел на Скалли. Та сияла красотой и с нежностью смотрела на свой чудовищный приборчик. Однако Молдер расслабился только после того, как приборчик снова водворился в сейфе.

– Иногда я тобой просто горжусь, Скалли. – Спецгент позволил себе эту чересчур штатскую фразу. – Ты способна экспериментировать с такими **жуткими** вещами...

Скалли самодовольно хмыкнула:

– Да уж, это тебе не в грязном парике целый месяц ходить! Я бы такого себе никогда не позволила!

– Да что ты так привязалась к моему парику! Мы живем в свободной стране, и я никому не позволю посягать на мое конституционное право ходить в парике столько, сколько мне вздумается! А кроме того, Скалли, я могу и в суд на тебя подать за эти выпады! Когда-нибудь.

– Неужели?! И каково будет обвинение?

– Дискриминация по половому признаку, – спокойно сказал Молдер. – Своей постоянной, возмутительной фразой вроде того, что «ты бы себе этого не позволила», ты нагло намекаешь на то, что я мужчина.

– Что ты, Молдер! Никогда я на это не намекала!

– Вот! Ты опять! Это уже знаешь как инкриминируется?!

– И знать не хочу. Дыши спокойней, Молдер. Я отправляюсь к Скиннеру. А ты пока в мое отсутствие...

– «Перемой посуду, наколи дров, выстирай белье, прочисть очаг от золы и посади перед Эдгар-Гувер-билдингом двенадцать розовых кустов», да, Скалли?!

– Ничего подобного! – Скалли сердито поглядела на напарника. – И откуда ты только набираешься подобной чепухи? Я всего-то хотела предложить тебе в мое отсутствие поставить на мой компьютер последнюю версию «Виндоус». А то старая виснет. Надеюсь, эта моя просьба не классифицируется как уголовное преступление?

И Скалли, нарочито отчетливо цокая каблучками своих новых туфелек, покинула кабинет.

– Крейзи! – беззлобно сказал Молдер захлопнувшейся за напарницей двери. – Новую версию ей поставь! Чтоб мышку на коврик вырвало, да?!

В отсутствие Скалли Молдер посидел немного за чтением пиратской распечатки нового романа звезды российского детектива некоей Веры Червонцевой. Роман назывался «Resort zone»², но пиратский переводчик, похоже, здорово страдал от отсутствия знаний современного русского литературного сленга. Поэтому некоторые страницы представляли собой тарабарскую смесь русских и английских сложносочиненных предложений. Словом, читать противно. И неудивительно, что Молдер обрадовался, когда на пороге его кабинета возник Чарли.

Чарли был снежным человеком. Или йети, бигфут, реликтовым гоминидом – как кому нравится. Рост Чарли зашкаливал за семь с половиной футов, плечи напоминали грядки с коноплей (по ширине и по взлохмаченности), а на пальцах рук-ног угрожающе выгибались длинные когти цвета дынного сока. На волосатом лице сверкали багровые глаза, тонкие губы не скрывали свисающих почти до подбородка клыков, а в каждой ноздре чудовищного носа могло с удобствами расположиться по шмелиному гнезду. Однако внешность ничуть не отражала истинного характера Чарли. Сей реликтовый гоминид был весьма мирным и коммуникабельным типом. Скалли и Молдер обнаружили его в жестоких по климату горах штата Вайоминг, где Чарли вполне благочестиво жил в полуразрушенной хижине, оставшейся от какого-то очередного туристского нашествия. Как объяснил гоминид спецагентам, в этой хижине он кантовался уже с десятков лет и за это время сумел выучиться английскому языку по полному собранию сочинений Чарльза Диккенса, чудесным образом оказавшемуся в хижине. В честь великого писателя гоминид попросил его звать Чарльзом. Или – для особых друзей – Чарли. А Скалли с Молдером как раз и стали такими особыми друзьями. Потому что именно они убедили руководство ФБР и людей из Пентагона не применять против несчастного йети тактического оружия, а сохранить ему жизнь и нормальную среду обитания. Потому-то Чарли

² Зона курорта (англ.).

и оказался постоянным жителем Штаб-квартиры ФБР, что, кстати, начальству было выгодно: соблюдалась и секретность и толерантность.

Правда, Чарли скучал в ФБР. Не раз просился он в стажеры, рвался на какие-нибудь опасные операции по захвату террористов или наркокартелей, но ему очень вежливо и мягко отказывали. Поэтому Чарли довольствовался перечитыванием Диккенса и обществом Молдера. С Молдером реликтовый гоминид вообще был, что называется, на короткой ноге. Итак...

– Заходи, Чарли, – дружелюбно улыбнулся спецгент волосатому гиганту. – Присаживайся.

Гигант аккуратно вдвинул свое тело в небольшой зазор между стенкой и креслом. С сомнением посмотрел на кресло и остался стоять. Улыбнулся Молдеру в ответ, продемонстрировав великолепие своего не испорченного стоматологами оскала.

– Но не отвлекаю ли я вас, о мой дорогой друг, от важных и благородных дел? – с изысканным произношением коренного лондонца осведомился йети.

Молдер внутренне поморщился. Все-таки гоминиду над своим языком еще работать и работать.

– Ты ничуть не помешал, Чарли, – сказал он, стараясь попасть в тон разговора. – Даже наоборот. Я всегда рад тебя видеть.

– Весьма польщен. – Гоминид хотел было почесать свою роскошно обволошенную грудь, но воздержался, решив, что это крайне неприличный жест. – А где же леди Дэйна? Благополучна ли она? Как ее драгоценное здоровье?

– Здоровье? Да на ней пахать... – невежливо хохотнув, начал Молдер, но тут же осекся. – Нормально, Чарли, мм... Она, э-э, благополучна. Вполне. Да.

– Рад сие слышать. – Гоминид снова просиял улыбкой.

Молдер вспомнил, что не ответил на первый вопрос йети-джентльмена (точнее, джентльйети).

– Скалли, э-э, леди Дэйна в данный момент находится у мистера Скиннера. С официальным докладом.

– Оу, – уважительно протянул Чарли. – Надеюсь, она скоро вернется и я буду иметь честь предложить ее вниманию свой новый венок сонетов...

Молдер хотел было сказать, что Дэйна Скалли и венок сонетов – явления столь же совместимые, сколь совместимы кетчуп и крем для депиляции, но сдержался. Чарли с трудом переносил разочарования и удары судьбы. Так, например, свое последнее разочарование в справедливом мироустройстве гоминид три недели оплакивал на чердаке Штаб-квартиры, тем самым вызвав мощную панику среди служащих и прочего мирного населения.

– Сонеты – это, конечно, замечательно, – искусно поставленным жизнерадостным тоном заявил Молдер. – Но кофе с коньяком тоже не мешают. А, Чарли? Ты как насчет кофе? Или коньяка? У меня отличный коньяк здесь припрятан, настоящий армянский!

– О, – подивился Чарли. – Откуда у вас такая роскошь? Хотя я, конечно, постыдно мало разбираюсь в качестве алкогольных напитков...

– Ничего, я тебя научу. А коньяк еще с прошлого года остался, после поездки в Ереван, где мы со Скалли обезвредили банду местных инкубов. Инкубы преподнесли нам целый ящик этого божественного напитка только ради того, чтобы мы со Скалли не раскручивали их дело.

– А вы?

– Я же агент ФБР, Чарли! Разве меня можно подкупить коньяком, хотя бы и армянским? Не создали еще такого напитка, которым можно купить расположение агента Молдера! В честь чего давай выпьем по рюмочке!

И Молдер, опасливо покосившись на дверь, приподнял уголок висевшего на стене плаката. Про плакат с сомнительной фотографией летающей тарелки и надписью «Хочу поверить!» в ФБР не было известно разве что ленивому. А вот про то, что за плакатом Молдер

скрывает потайной шкафчик с любимыми коньяками, знал только сам Молдер. И Чарли. Но Чарли, как истинный джентльмен, был неболтлив.

– Удобно ли это? – засмутился йети. – Алкоголь в такое время суток...

– Время самое подходящее. – Молдер уверенно разлил коньяк по бокалам. – Давай за нас, и за ВМФ, и за миротворческие подразделения славных американских парней в Ираке!

– Ваше здоровье, мистер Молдер, сэр! – Изяществу, с которым реликтовый гигант опорожнил бокал, мог бы позавидовать сам лорд Честерфилд.

– Хорошо-то как, – с чувством крикнул Молдер. – Лечит от депрессии лучше всякого психотерапевта.

– Мой бог, у вас депрессия, сэр?!

– Еще какая! – Молдер помрачнел.

– Могу ли я узнать причину? – Славный йети был сама заботливость.

– Мне скучно, дорогой друг! – отвечал спецгент. – Моя жизнь стала слишком прозаической, из нее ушла романтика...

– О-о...

– Да. Ну что интересного, захватывающего и необычного случилось со мной за последние полгода? Пару раз меня похищали агрессивные Чужие, потом пытались инициировать бруклинские вампиры, всякие там мелкие бандиты один раз хотели изменить мой пол, трижды сбрасывали с небоскребов, раз пять взрывали в машине... Еще колдун вуду из Гарлема безуспешно пытался меня зомбировать, но я вывел его на чистую воду, и он оказался вовсе не колдуном вуду, а чукотским шаманом-коммунистом... Даже вспомнить нечего! Где интригующие тайны, необъяснимые происшествия, сверхъестественные исчезновения и леденящие кровь стычки с чудовищными порождениями Мирового Зла?! Я теряю свои гениальные способности спецгента в повседневной рутине, милый Чарли!

– Дорогой мистер Молдер, сэр! – прочувствованно воскликнул йети. – Позвольте вам сказать, что вы не правы. Ваш талант, сэр, блестяще проявился в недавнем деле о похищении мутантов-эмбрионов. А также в ужасающем эпизоде захвата исламского оборотня-смертника, три часа терроризировавшего служащих кошерного банка «Тевье и Сыновья». Вы несправедливы к себе, дорогой сэр! И ваша жизнь – не что иное, как цепочка ярчайших событий, достойных увековечения в романе! Или повести. Или на худой конец в телесериале.

– Ты точно так думаешь? – Молдер испытующе уставился на реликтового гоминида.

– Безусловно, сэр! И у меня есть предчувствие, что в ближайшем будущем вас ожидают новые удивительные приключения!

– А, ну если так... Давай еще по одной. За будущее и за приключения, которые нас в нем ожидают.

– С удовольствием, дорогой мистер Молдер, сэр!

Однако не успели спецгент и реликтовый гоминид пригубить свой коньяк, как в кабинет ворвалась клокочущая и сыплющая непристойными междометиями вулканическая лава, то бишь Дэйна Катерина Скалли.

– Пьете?! – взревела лава. – На рабочем месте? Почти в рабочее время?! Да что за бардак творится в Бюро?! Немедленно прекратить!!!

Чарли от стыда не знал куда деваться, а агент Молдер, давно привыкший к радиоактивному темпераменту своей напарницы, сказал только:

– Остынь, Дэйна.

Та издала неопределенный звук, отдаленно напоминавший рычание раненого саблезубого тигра.

– Я подам рапорт об уходе, – отрывавшись, заявила Скалли. – Лучше работать патологоанатомом в окружном морге или читать лекции сопливым курсантам в Ленгли, чем пребывать в этом бардаке!!!

– Дорогая миледи, – тон почтенного гоминида был столь кротким и нежным, что навевал возвышенные мысли о Сикстинской капелле или матери Терезе, – я прошу вас о прощении. Оставьте свой гнев. Это исключительно моя вина, мистер Молдер отнюдь...

– Ах, Чарли! – Скалли, конечно, была психованной дамочкой, но, к чести своей, быстро остывала от гнева. – Я вас вовсе ни в чем не обвиняю. Просто этот Скиннер...

И она, залившись слезами, уткнулась в волосатое предплечье гоминида.

– А что Скиннер? – деловито поинтересовался Молдер, где-то в недрах души кремируя свою зародившуюся было ехидную ухмылку.

Дэйна поблагодарила Чарли за предложенный им носовой платок, отерла зареванное личико и рассказала следующее:

– Захожу я к Скиннеру в кабинет, а они там...

– Кто «они»?

– Шеф и эта... Тоника! На полу! Ковер к стенке оттащили, и прямо на бетоне... Боже, какой ужас! И на меня – ноль внимания. Я папку на пол уронила, а Скиннер даже головы не повернул, так увлекся! А эта Тоника, змея, еще и хихикает: «О, Дэйна, дорогая, как здорово, что ты сюда заглянула! Нам как раз нужен третий для большей яркости. Присоединяйся! Пусть присоединится, правда, Вилли?» Я просто дар речи потеряла от ярости. Потом говорю Скиннеру: «Как это понимать, сэр?» А он: «Понимайте это как посттравматическую психотерапию, агент Скалли. Мне нужно было снять затянувшийся стресс. И вам настоятельно рекомендую заняться этим с нами. Только пиджачок снимите, а то помнется или запахнет...»

– А ты?

– Что я?! У меня еще есть понятия о нравственности. И я никогда не позволю себе заниматься подобными вещами, да еще на бетонном полу!

– У-у, – протянул Молдер уважительно. – Скалли, твой моральный облик вызывает у меня ассоциацию с мемориалом Линкольна. Честно! Кстати, ты ведь так и не сказала, чем же Скиннер с Тоникой Плевински занимались прямо на бетонном полу?

– Разве не сказала? – Брови Дэйны Скалли недоуменно выгнулись.

– Ни намека.

– Хм, странно... Впрочем, я ведь находилась в такой сумятице чувств... Но мне даже как-то стыдно говорить об этом. Особенно в присутствии Чарли. Что он подумает о нравственности нашей расы!

– Ничего, здесь все свои, – успокоил Молдер. – А наш общий друг Чарли и так уже достаточно осведомлен о низменных повадках вида *homo sapiens*, особенно после того как двуличный подлец Алекс Крайчек под предлогом дружеской вечеринки заманил Чарли в стрип-бар и показывал его за деньги тамошним шлюшкам. И, между прочим, огреб на этом неплохие деньги. С которых, разумеется, не заплатил налога. Но это наша маленькая грустная тайна.

– О, бедный Чарли! – Дэйна почесала гиганта под мышкой. – Как ты, должно быть, огорчился.

– Пустое, миледи.

– Дэйна, не увиливай от ответа. Чем шеф занимался с Тоникой?

– Ох, Молдер, это так отвратительно, так грязно и низменно. Они...

– Да?

– Они... **РИСОВАЛИ НА ПОЛУ ЦВЕТНЫМИ МЕЛКАМИ!!!**

Молдер страдальчески охнул:

– Да ты что?!

– Именно! – Похоже, чуть остывшая лава опять принималась за старое клокотание. – Рисуют, а сами едва не визжат от восторга! У Скиннера вся рубашка выпачкана мелом, не говоря уже о платье Тоники. И они еще предложили мне присоединиться!

– Кстати, Дэйна, – отвлеченно поинтересовался Молдер. – Спрашиваю из сугубо научного интереса: что именно они рисовали? Не заметила? Не запомнила?

– Ха! – гордо ответствовала Дэйна Скалли. – Благодаря небесам у меня отличная зрительная память! Так что я просто уверена, Скиннер рисовал вазу с букетом магнолий, а Тоника – чешуекрылых.

– Мм???

– Отряд Lapidoptera. Бабочки. По некоторым признакам – самцы непарного шелкопряда.

– Дэйна, дорогая, откуда у тебя такие познания в энтомологии?

Скалли только отмахнулась от этого риторического вопроса. Уж кто-то, а Фокс Молдер должен был знать, что Дэйна Скалли и биология – близнецы-братья. Точнее, сестры. Поэтому спецгент Молдер незамедлительно изобразил на своей холеной физиономии напряженную работу мысли.

– Значит, говоришь, ваза... – глубокомысленно протянул он.

– И букет магнолий, мистер Молдер, сэр, – услужливо подсказал наш общий друг Чарли.

– И бабочки непарного шелкопряда, – напомнила Скалли.

– Самцы.

– Самцы.

– О, шит... Скалли, а ведь это говорит о многом! Кстати, ты не помнишь, какая была форма у вазы, которую рисовал Скиннер?

– Отлично помню. Ваза в форме вазы.

– Тяжелый случай. – Молдер вздохнул. – По Фрейду и Юнгу, такая форма вазы...

– И букет магнолий, мистер Молдер, сэр! – Чарли явно не хотел, чтобы о нем забыли.

– Да, действительно, магнолии. Совсем из головы вон. Спасибо, Чарли.

– А что с магнолиями, Фокс?

– Магнолии, Дэйна, это такой символ... Символ такого... даже не решаюсь тебе это высказать, ффу.

– Я так и знала! – потрясенно прошептала Скалли. – Вот к чему ведут все эти увлечения граффити! О Скиннер, Скиннер, как ты пал! Ведь это же подрыв авторитета всего нашего Бюро! А если о пагубной страсти нашего шефа узнают в Белом доме? Вазы, магнолии, непарные шелкопряды... Самцы.

– Самцы, Дэйна, это прерогатива Тоники Плевински. Ты сама сказала, что их рисовала она.

– Это дела не меняет. Ты понимаешь, что может разгореться скандал похлеще того, который возник, когда мы с тобой пустили в Интернет материалы о Розуэллской летающей тарелке, якобы потерпевшей крушение и на поверку оказавшейся старым русским метеоспутником! Нас опять уволят! И где мы с тобой, Молдер, найдем работу? Пиццу будем разносить?

– Зачем ты так сразу... – укоризненно сказал Молдер. – Слишком мрачная перспектива. И потом, что такого? Ну рисует заместитель директора ФБР мелками на полу в своем кабинете – и пусть себе!

– Но я же обязана доложить в вышестоящие инстанции, согласно параграфу четвертому, пункту...

– Ай, Скалли, кому это нужно?! Зачем, как говорят эти ужасные русские, *vinosit' sor iz izbi*. В общем, пусть эта информация останется между нами двумя...

– Кхм, сэр...

– Тремя. Извини, Чарли. Я же не стал собирать компромат на Скиннера после того, как он мне впервые предложил...

– Что?!

– Поиграть с ним в железную дорогу. И я играл с ним, Скалли! И не стыжусь этого! Кстати, дорога просто отличная. Паровозики такие блестящие, семафоры отделаны красным деревом. У меня в детстве такой дороги не было. Скиннер, кстати, сказал, что и у него тоже.

– Какой ужас!!! – потрясенно прошептала Скалли. – И я только сейчас узнаю о тебе **такое**... Как ты мог молчать?!

Молдер смешался. А Скалли вдруг выдала небывалое:

– Я все поняла! Это воздействие!

Молдер вытаращил на нее свои контактные линзы:

– Какое воздействие?

– Психонейролингвистическое! Или онейрокоррекционное! Направленное на Скиннера, Тонику и на тебя, Молдер! Возможно, вас просто зомбируют, но скорее всего...

– Дэйна, ты порежь чушь. Да Скиннеру просто скучно сидеть целыми днями в своем кабинете, вот он и развлекается, как может. А Тоника раньше работала воспитательницей в учреждении для детей с задержкой умственного развития. Потому после и перевелась в ФБР. Это она посоветовала нашему шефу нейтрализовывать негативные эмоции при помощи художественного творчества и игр. Между прочим, Скиннер еще классно лепит фигурки из пластилина. И делает аппликации из цветной бумаги. У меня дома уже две его работы на стенке красуются – одну подарил в честь Дня независимости, а другую на Новый год. И крокодил пластилиновый стоит. Почти в натуральную величину.

– В натуральную величину крокодила? – восхитился йети.

– Нет, – смутился Молдер. – В натуральную величину пластилина.

Дэйна Скалли грозно притопнула каблучком.

– Молдер, ты меня не убедил! Я продолжаю настаивать на версии психокоррекционного воздействия!

– Дэйна, опомнись, да кто может на нас со Скиннером такое воздействие оказать?! Зная нашу с ним чугунную психику!

– Кто угодно! – вспылила Скалли. – Пришельцы! Колдуны вуду! Маньяки-гипнотизеры! Исламские террористы! Наконец, просто русские! Пойми, Молдер, это явное нарушение психической нормы – когда взрослый человек принимается рисовать, лепить пластилиновые фигурки, играть в железную дорогу! И делает это не с какой-то определенной целью, а просто так! Да еще на рабочем месте! И в рабочее время!

– А еще у Скиннера есть детский барабан, – тихо добавил Молдер. – С деревянными палочками. Красный. Он мне дал разок стукнуть.

– Вот! – Новый обвиняющий вопль. – Молдер, разве раньше ты интересовался детскими барабанами?! Тебя ведь даже в детстве из бойскаутов выгнали!

– Ну, выгнали, и что такого?

– Мистер Молдер, сэр, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, будто леди Дэйна хочет сказать вам, что вы и ваш уважаемый шеф подпали под некое влияние...

– Вот-вот! Спасибо, Чарли! Молдер, йети и тот понимает, что тут дело нечисто. И я даже могу предположить, кто оказывает на тебя и Скиннера столь чудовищное воздействие! Эта толстушка! Практикантка! Тоника Плевински!

– Интересная версия, – хмыкнул Молдер. – Но она сама рисовала и лепила, и аппликации...

– Усыпляла бдительность! – отрезала Скалли. – Примитивный шпионский прием! Я не удивлюсь, если окажется, что после таких художественных сеансов из кабинета Скиннера пропали все секретные материалы и паркеровские ручки!

– Вы ошибаетесь, агент. – Бесшумно вошедший в кабинет заместитель директора ФБР Скиннер аккуратно притворил за собой дверь и холодно посмотрел на Дэйну. – Паркеровские ручки у меня все на месте, я их проверяю каждые полчаса. И чешские цветные карандаши тоже.

Скиннер выглядел, как всегда, подтянуто, официально и строго. Разве что крошечное меловое пятнышко на рукаве его пиджака слегка портило общее впечатление.

– Агент Молдер, агент Скалли, – тоном, неудобным как наждак, отчеканил Скиннер. – Только что получено донесение от агента Сирила. По форме ноль це ноль.

– Неужели?! – беззвучно ахнул Фокс Молдер.

– Ваши инструкции, агенты. – Скиннер, чего раньше никогда не бывало, собственно-ручно протянул Молдеру черный кейс. – Уровень секретности – два. Вы вылетаете в Москву. На сборы девятнадцать минут.

– А почему не двадцать? – это Скалли.

– А почему в Россию? – это Молдер.

– Как заместитель директора ФБР я не уполномочен отвечать на подобные вопросы. – Изронив эту фразу, Скиннер почти по-армейски покинул кабинет своих лучших спецагентов.

– О, shit! – воскликнула Скалли, заглянув в кейс. – Мы и вправду летим в бывшие Советы! Только зачем нам нужна эта штука?

И она достала из кейса безвкусно расписанную матрешку с физиономией нынешнего русского президента.

– Потом разберемся! – Молдер смотрел то на Скалли, то на матрешку, и в глазах его горел адреналиновый огонь новых приключений. – Едем в аэропорт! А с подробностями дела ознакомимся в самолете!

И тут напомнил о себе Чарли.

– Мистер Молдер, сэр, – жалобно протянул он. – Пожалуйста, возьмите меня с собой. На эту операцию. Я не буду лишним. Обеспечу вам прикрытие, безопасность, места в гостинице...

– Чарли, это безумие, – бросила Скалли, в виде вихря проносясь по кабинету и прихватывая все то, что, по ее мнению, пригодилось бы в дороге. – Кто тебя в самолет пустит? Кроме того, билетов на тебя не заказано, с таможней начнутся проблемы... И не мечтай.

– А я бы взял Чарли с собой! – неожиданно выдал Молдер. – Парень засиделся на бумажной работе. Пусть понюхает пороху.

– Вы рехнулись, – констатировала Скалли. – Оба.

– Возможно, – вежливо кивнул Молдер. – Пойдем-ка, Чарли. Уладим вопрос с твоей визой и билетами.

...Едва парочка сумасшедших удалилась, Дэйна, опасливо посматривая на дверь, сдвинула потайную панель в своем письменном столе. Из углубления достала пакет, набитый пестрыми лоскутками, и пышноволосяную длинноногую куклу в неумело, но с любовью сшитом пышном платье.

– Дорогая Синди, – прошептала кукле спецагент. – Я улетаю на новое и, возможно, особо опасное задание. Вряд ли вернусь скоро. Так что извини, я опять не успеваю сшить тебе приданое.

И с горьким вздохом Дэйна Катерина Скалли засунула куклу с лоскутками обратно.

Главное управление Федеральной службы безопасности

Лубянка, Москва, Россия

7 января, среда, 19:30

А здесь тихо. Как-никак праздничный день.

Вечер.

И никто еще не знает...

Никто не подозревает...

Хотя, может, это и к лучшему.

Чу!.. Слышен звон бубенцов издалека!

Точнее, не бубенцов. Это позванивают брелоки на ключах. Ключах от некоего заполненного темнотой кабинета.

Это кому же в рождественский вечер не сидится у ликующей китайской иллюминацией елки? Кто покинул роскошный стол с водочкой «Посольской», салатом «Федеральным», уткой по-звенигородски и сладострастно шкварчащими тефтельками в соусе ай-люли-мажули?! У кого обретается такая тектоническая сила воли, чтоб отказаться от высокохудожественного наслаждения просмотром телевизионного концерта обремененной пленительными ножками группы «ВИА Гра», променяв его на сомнительное удовольствие посещения столь неуютного места? Это кем же надо быть...

Кем-кем... Анатолием Колосковым, вот кем! Ясно вам, любители елок, тефтелек и юмористической примадонны Регины Дубовицкой?!

Что?! Вы не в курсе, кто такой Анатолий Колосков?

Ну и хорошо. И правильно.

Излишняя информированность никому еще не приносила ощутимой пользы. И в случае с Анатолием Колосковым это утверждение категорически верно.

Как говорится, шпионы и кошки умирают первыми.

Так себе каламбурчик, верно? Но чего же ждать от каламбурчика, если сочинен он именно Анатолием Колосковым. Внештатным секретным сотрудником по особо важным делам при ГУ ФСБ. Настолько внештатным и настолько секретным, что о его существовании на Лубянке знали только немногочисленные местные мыши. Но именно скромному гению Анатолия Колоскова принадлежала честь раскрытия самых громких преступлений, предупреждения чудовищных заговоров и даже военных переворотов. Правда, лавры, звания, медали и премии за это доставались другим. Но Анатолий и не стремился к славе и карьере. Он работал исключительно из неподкупной любви к чистоте конституционной крови.

Ибо больше в этой жизни его ничего не интересовало.

Ибо был он последним московским инкубом.

Это только люди думают, что существование инкуба – сплошная череда непрекращающихся пикантных удовольствий и не менее пикантных приключений, связанных с достижением тех самых удовольствий. И бытует мнение, будто сами инкубы, равно и суккубы, больше ничем не интересуются. Так вот. Пример секретного сотрудника ФСБ майора Анатолия Колоскова доказывает нам, что это мнение ошибочное.

Но здесь нужно внести некоторую ясность. Хотя бы в то, кто такие на самом деле инкубы и иже с ними суккубы.

Подчеркиваю, *на самом деле*.

Вроде бы все про них известно еще с архаических времен. Мол, это малосимпатичные духи, существующие за счет соблазнения падких на сладострастие женщин и не менее падких (но старающихся поддержать свое аскетическое реноме) мужчин. И мудреные средневековые трактаты говорят о том, что инкуб и суккуб суть один и тот же дух, просто он легко меняет свой пол в зависимости от пола партнера. С мужчиной он становится суккубом, то бишь пышнотелой дамочкой, готовой на все, а с женщиной, соответственно, инкубом, то есть готовым опять-таки на все мужчиной. А в пользу версии о существовании сих эзотерических существ говорит масса доказательств, тоже почерпнутых из средневековых трактатов³. Например, рукописное сочинение⁴ некоего монаха ордена Мудрых Терпил, благочестивого отца Рудимента, буквально переполнено свидетельствами о том, как по ночам, во время аскетических упражнений, его настырно посещали прелестные девицы-суккубы и тем самым очень огорчали. Отец Рудимент,

³ Совет: если хотите, чтобы поданная вами информация обрела солидность и имела успех, смело заявите, что она подкреплена средневековыми трактатами. Или эзотерическим опытом древних. Срабатывает на раз.

⁴ Не сохранилось.

в частности, пишет: «Се, токмо потщился аз возлежши на ложе скорби своея и дать очима своим дремания, абие явишася середь кельи моея дева, зело обильная плотию и устами. Сия непотребная тварь приняшася мене в ушеса речи похабныя шептати, устами лобзати, руками обнимати, ногами обвивати. Аз же супротив нея восстати не можаху, такожде зело гневно вопияху. До самыя утрени мене сия похабственная тварь терзаше, покуда близ дверей кельи моея братия не явишася». Нет никакого основания не доверять этому свидетельству отца Рудимента, хотя можно также предположить, что «обильная плотию» дева на самом деле существовала лишь в распаленном аскетическими упражнениями воображении автора трактата. Что, впрочем, не помешало мудрой братве из инквизиции обвинить отца Рудимента в активных связях с суккубами и оперативно поджарить его на костре. Другое подобное сочинение⁵ принадлежит перу целомудренной насельницы обители Сестер Безупречной Чистоты благопотребной Пропорции Мануальной. Сестре Пропорции здорово доставалось от инкубов, являвшихся к ней почему-то в мушкетерских облачениях, поющих греховные песнопения и восхваляющих сладости плотской любви. Сестра Пропорция пишет⁶, что к сей любви оставалась безучастна, однако безучастность не помешала ей оказаться в деликатном положении. Разумеется, свою вопиющую беременность она свалила на коварных инкубов – якобы они овладели ею во время сна. И никто не придавал значения тому, что родившееся от инкуба дитя как две капли воды походило на местного пономаря.

Однако вернемся к собственной эротической современности. И сразу скажем, что инкубам да суккубам здесь просто нет никакого простора для деятельности. В мире наживы и чистогана, в мире, где попораны сами идеи достижения маленьких приятных удовольствий, где цинично поруганы традиции и сброшены с пьедесталов легкомысленные идолы земного счастья, – в таком мире люди заботились о чем угодно: карьере, экологическом равновесии, уровне инфляции, демографическом урегулировании, национальном своеобразии, политической толерантности, но только не о получении изощренного и долгосрочного удовольствия. Даже на стандартный секс не хватало времени, не говоря уж об экзотических плотских усадках с распутными духами. Поэтому движение инкубов-суккубов начало приходить в упадок – ведь попирался сам принцип их существования! Так сказать, терялось фундаментальное значение. А широкое распространение интим-салонов и магазинов эротического белья нанесло по инкубам-суккубам решающий сокрушительный удар. Духи измельчали, потеряли свои навыки, потенцию и привлекательность. А измельчение, как известно, ведет к необратимым мутациям и постепенному исчезновению вида. Потому Анатолий Колосков остался последним московским инкубом, утратившим первоначальные способности настолько, что его плотская форма была статична и характеризовалась как условно мужская. То есть выглядел-то он как мужчина... Словом, у Анатолия были все причины стать незаметным служителем закона.

И сейчас, в этот тихий и нежный рождественский вечер, ему не сиделось в астрале. Предчувствие грядущих роковых событий гнало его на Лубянку, как собирателя антиквариата гонит на помойку надежда на обретение очередной бесценной реликвии. Анатолий беспрепятственно прошел сквозь все запертые двери, вычерчивая в воздухе незатейливые знаки Защиты от Коррупции и Основ Безопасности Жизнедеятельности. Кроме того, Анатолий, как еще не утративший квалификации инкуб, пользовался системой локальных маскировочных чар и ментальных глушителей.

Своим специальным ключом он отпер дверь мрачноватого кабинета. В иные дни кабинет этот занимали люди – суетливые, напыщенно-сосредоточенные и юридически вздорные. Люди, считал инкуб Анатолий, не умели работать с преступлениями. И уж тем более они неспособны были преступления предчувствовать.

⁵ Не сохранилось.

⁶ Крайне неразборчиво!

В отличие от него.

И он имел право гордиться своей способностью.

Инкуб заклинанием Всеведущего Хакера заставил включиться компьютер и с интересом принялся просматривать файлы особой степени секретности.

При этом больше всего Анатолий Колосков задерживал свое внимание на файлах, в которых фигурировал некий городок Кимовск.

По Лубянке фланировали ряженные, Москва мерзла в сиянии иллюминаций и фейерверков.

Инкуб отключил компьютер и мрачно улыбнулся своему внутреннему голосу.

г. Кимовск, Тульская область, Россия

7 января, среда, 19:30

Так вот, Трифон Вамбонгович Оглоедов, незаконнорожденный сын африканского чемпиона по русским шашкам, ненавидел зиму.

Ему с самого детства претили сомнительные радости разбивания носа на катке, лепки кособоких снеговиков, катания с гор и взятия снежных крепостей. Он старательно и артистично изображал бронхиты, ангины и насморки перед своей искусствоведческой родственницей, дабы избежать обязательного посещения елки и вынужденной встречи с цинично-хмельным Дедом Морозом. И если вполне мирный по натуре Трифон и мог противиться чему-либо всеми силами души, то это были новогодние праздники.

Однако рок не интересуется нашими вкусами. И если тебе суждено стать космонавтом, так хоть наизнанку вывернись, быть тебе не продавцом мороженого, а покорителем далеких звездных трасс! И наплевать судьбе на твои склонности к садоводству и огородничеству, коль задумала она сотворить из тебя боксера-тяжеловеса!

Хотя нельзя сказать, что бокс и садоводство друг друга категорически не переносят.

Однако вернемся к нашему герою.

Новогодние праздники Трифон не терпел еще и потому, что примерно лет с тринадцати ему пришлось исполнять роль Деда Мороза. Сначала в школе, а потом на всех городских утренниках и народных гуляньях. Трифон противился, как мог, чести таскать на плечах шубу, пропахшую потом предыдущих поколений Дедов Морозов. Он выдвигал массу аргументов, доказывающих, что он, негр (хоть и полукровка), может напоминать русского красномордого зимнего персонажа лишь слабовидящему. Тщетно. Родственница от искусства, в последние годы жизни ставшая дамой крайне ядовитого темперамента, говорила своему воспитаннику следующее:

– Трифон, ты несносен! Если общественности нужно, чтобы ты стал Дедом Морозом, стань им! И не говори мне ничего про цвет кожи, мы, слава советской власти, не расисты, и белым у нас становится любой, даже негр!

– Советской власти давно нет.

– Зато менталитет остался! – как шашкой рубила родственница. – И ему следует подчиняться! Кстати, свой парик и бороду возьмешь в ванной, я их уже постирала... И не смей мне возражать! До инфаркта довести меня хочешь?!

Трифон, конечно, не хотел – Октябрина Павловна и в здоровом состоянии была страшна, а что уж про инфаркт говорить. И попробуй возрази этой даме, что инфаркт – преимущественно мужская хворь, да и не случается он почти каждую неделю... Трифон не возражал. Поэтому цеплял на себя ненавистную дедморозовскую амуницию и шел веселить народ.

Родственница умерла, едва Трифону исполнилось двадцать. Не от инфаркта. На нее рухнул башенный кран вместе с монтажником, который до этого битых полчаса орал на суровую старушку, чтоб она убралась со стройплощадки и не торчала под стрелой – ей, мол, тут не Красная площадь, нечего развешивать на бетономешалках революционные транспаранты...

Проводив Октябрину Павловну в скорбный путь, русский негр украдкой облегченно вздохнул: закончилось его вынужденное новогоднее рабство. И отныне он сам хозяин своего времени и своих увлечений.

Но не тут-то было.

Видимо, в сознании жителей Кимовска наличие чернокожего Деда Мороза на всяком городском елочном торжестве было неразрывно связано с самим понятием праздника. Поначалу Трифон сердился и упрямялся (а упрячиться он мог долго и мастерски), но потом махнул рукой, восстановил душевное равновесие и согласился быть бессменным городским олицетворением новогодья. С тем только условием, что ему сошьют персональное облачение за счет города (требуя это, Трифон втайне надеялся, что ему откажут, и тогда он имеет полное право послать всех куда подальше). Ему не отказали, и шуба, крытая алым, с золотым шитьем атласом, хрустящие, как свежие чипсы, кожаные сапоги да шапка, подбитая отличным песцом, занимали теперь в гардеробе Трифона почетное место.

Нельзя сказать, что Трифон окончательно смирился с участью Деда Мороза. Едва начинался декабрь, он стремился отлынить от этой участи всеми правдами и неправдами. Но, едва подкатывали праздники, начиналось...

– Трифон Вамбонгович, детский сад номер четыре вас беспокоит... Два утренника в один день не проведете? Для средней и младшей групп? И если можно, придите с тем посохом, с которым в прошлом году приходили, – ребятки от него просто в восторге!

...А то, что эти паршивцы в прошлом году вывинтили из посоха комплект батареек, поддерживающих сияние звезды-набалдашника, и чуть не раскурочили саму звезду, – это, разумеется, никому не интересные детали скучной реальности...

– Триша? Это Сергей Миронович. Не забыл еще своего дорогого преподавателя по сольфеджио? Да, разумеется, я теперь директор школы. Но это ничего не меняет, ты же знаешь, как я всегда к тебе относился... Триша, дружок, с нетерпением жду твоего выступления на вечере для преподавателей. Будет и Ванда Михайловна, и Герасим Иванович. Они так тебя любили, ты был их лучшим учеником! Да, еще во время школьных каникул проводи серию ежедневных утренников. Договорились?

«Договорились»! Как будто с учителем, превратившим твое детство в рафинированное чистилище, можно договариваться! Трифон до сих пор просыпается с криком, если ему снится, как Сергей Миронович заставляет его угадывать нижнее «ми»! А злющая пианистка Ванда, барабанившая по клавишам «Мюльбаха» так, словно это были ее заклятые враги! А про художника Герасима, мнившего себя вторым Левитаном и вбивавшего в юного Тришу любовь к живописи методом энергичного постукивания коробкой с акварельными красками по Трифиновой макушке, вообще лучше не вспоминать. И Трифон должен перед ними выступать в роли заполненного добродушием отморозенного старца! Выступать бесплатно! Тратя свое личное время! И почему у служителей прекрасного всегда так туго с тактом и совестью?!

– Вамбонгыч, негритос ты мой любезный, хай тебе, то исть привет от тружеников сохи и сепаратора! Это я, председатель фермерского хозяйства «Всё путем»! Слышь, Вамбонгыч, завтрева грузовик за тобой пришлю – уважь, приедь, выступи перед нашими доярками! Подарки? ... Не, подарки не надо, наши бабы тебе сами подарков насуют во все места – оне у меня с самой уборочной ни одним мужиком не разговелись! Потешь сердешных, а то надои падают!

Так кого тешить-то: баб или коров?! Лучше бы коров – в хозяйстве «Всё путем» бабы за всякого мужика, даже и за такого юного, как Трифон, готовы волосья друг другу повыдергать. А самого мужика могут и покалечить. В объятьях задушить. Но обидеть председателя, Орlando Фомича Гуськова, – грех. Когда-то состоял он записным ухажером Октябрины Павловны, тщетно лелеял надежду воссоединиться с нею в браке. Даже предлагал тогда еще юного Тришу усыновить. Не вышло... Теперь хозяйство Орlando Гуськова – самое передовое в районе. И подопечные доярки – тоже передовые. А Трифон Вамбонгович, даром что

был городским жителем, истово любил простые сельскохозяйственные будни. И то, что доставшаяся Трифону от родственницы дачная земля регулярно снабжалась отборным навозом, мочевиной да суперфосфатами, являлось заслугой крепкой смычки города и деревни, то бишь Деда Мороза Трифона и председателя Гуськова...

– Это Олег. Слышь, пацан, ты вечером подгребай к нашей братве в ресторан. Братва с Санта-Клаусом хочет выпить. Не, Снегурочку не приглашаю, тупая она у тебя какая-то. И без сексапила. Лучше один приходи. «Джингл-белл» петь будем. И «В лесу родилась елочка». Типа того. Возьми диск с караоке.

От Олега Трифону никуда не деться. Придется идти. А возможно, поспешать на цыпочках. Олег, симпатичный коренастый парниша, на два года старше нашего героя, – местный авторитет, держатель всех крупных торговых точек рванувшего в активный капитализм Кимовска. Обидеть Олега наверняка подписать себе смертный приговор. Трифон не хочет смертного приговора, не хочет обнаружиться на городской свалке в виде трупа с красным колпаком на разложившейся башке, и потому согласен быть Санта-Клаусом, петь под караоке «Джингл-белл» хоть до посинения. Хотя от Олеговых приятелей его воротит, как от мусорного бака. Эти приятели, которые пальцы веером держат даже во время отправления малой нужды, похоже, капитально застряли в периоде толстых золотых цепей-ошейников и малиновых пиджаков. И до сих пор разговаривают с людьми методом тыка в зубы дулом пистолета. Однако это не мешает им быть сентиментальными до того, чтобы устраивать катания на санках со школьной горки (бывало и такое, не одними саунами, казино да стриптизами жив русский бандит). И если этим сентиментальным бандитам не потрафит, могут так по морде напать – ни одна хирургия не поможет.

Одно утешительно. Праздничное сумасшествие, начинающееся примерно с западного Рождества (это Олег принципиально празднует католическое Рождество – видимо, мечтает американизироваться, хотя в Америке католиков – как в Сахаре аквалангистов), достигает своего апогея в новогоднюю ночь, а ближе к Рождеству православному идет на спад. Видимо, к седьмому января налимонившийся народ начинает испытывать укоризненные уколы печени и вместо Деда Мороза желает принимать аллохол, карсил и гастал.

И в этом году Трифон, упарившийся на дедморозовской страде, справедливо надеялся, что на Рождество его оставят в покое. Все уже были удовлетворены: детсадовские горлопаны, нахальные школяры, продвинутые искусствоведы, страстные доярки и конкретные пацаны. И Трифон просто мечтал о времени, когда можно будет повесить дедморозовский костюм в гардероб (до будущего года), хорошенько отоспаться и, пользуясь возможностью посидеть дома, продолжить работу по написанию брошюры «Опыт начинающего огородника». Ведь страстным увлечением (помимо театра, естественно) Трифона Вамбонговича было огородничество. И частично садоводство.

В этом своем хобби Трифон был не понят и одинок. Друзья-ровесники возмущались тем, как может молодой, здоровый, полный сил парень терять время, вскапывая грядки, удобряя рассаду и борясь с колорадским жуком. Молодой парень должен париться не в теплице, а в сауне, накачивать мышцы не на окучивании картошки, а на тренажерах в фитнес-центрах. А огород – это удел и утеха пенсионеров. Трифон не спорил. К двадцати трем годам он хорошо понял, что спорить неконструктивно. Он предпочитал отмалчиваться и поступать по-своему. Правда, это тоже не всегда получалось.

...Так вот, в нынешний рождественский вечер Трифон привычно запаковал атласную шубу в целлофановый кокон, упрятал ее в дальний угол шкафа, приготовил себе кофе и бутерброды с холодным куриным филе и уселся писать новую главу для своей огороднической книги. Глава называлась «Песня, спетая в крапиве» и посвящалась некоторым аспектам борьбы с сорняками.

Однако в половине восьмого произошла маленькая неприятность.

Вырубилось электричество.

Трифон лениво помянул черта, встал, касаясь руками стены, добрался до кладовой и принялся шарить по многочисленным коробкам с нужным и ненужным хламом в поисках фонарика. Но вместо полезной вещицы под руку попадались рваные кеды, ракетки для бадминтона, цоколь от настольной лампы, сломанная музыкальная шкатулка, школьный микроскоп, камертон, мотки спутанной лески, куски войлока, пальцы...

Пальцы?

Трифон совершенно не по-мужски заверещал и отскочил от двери, рискуя обрушить на себя половину всего содержимого кладовой. Больно ударился лопаткой о висевшее на стене коридора декоративное панно, пришел в себя. Нервно хохотнул. Темнота, заполнявшая квартиру, перестала быть обыденной и привычной. Отныне в ней таилось нечто.

И у этого нечто были пальцы.

Трифону совершенно некстати вспомнился весь прочитанный еще в школьные годы Стивен Кинг. Перед глазами замелькали самые жуткие кадры всех когда-либо пересмотренных фильмов ужасов. И наш герой, холодея сердцем, почувствовал, как его шею стискивают чьи-то ледяные твердые...

И тут...

Кто-то рьяно, от всей души, загрохотал кулаками в дверь!

Да здравствует спасительный стук в дверь!

Благословен да будет тот, кто вовремя стучит нам!

Нет, это как-то двусмысленно... Вот! Стучит к нам!!!

Трифон почти всхлипнул и, отклеившись от стены, ринулся открывать.

Открыл.

– Сюрприз!!!

Ошалевшему от квартирной темноты Трифону свет на лестничной площадке показался нестерпимо ярким. Но самое главное, в этом свете стояли люди.

– Здорово, Трифон! – сказали люди. – Мы к тебе в гости пришли. Накрывай на стол.

– Мм?! – спросил Трифон.

Как быстро мы забываем пережитые ужасы и оглушаем неблагодарностью тех, кто нас от этих ужасов избавил. Так и Трифон, едва пришедший в себя после душившего кошмара, мгновенно скис от перспективы общения с незапланированными гостями.

Однако перспектива возвращения одному в темную квартиру, где за каждым углом могут подстергать чрезвычайно неприятные и непонятные вещи, тоже Трифону не улыбалась. Поэтому он сказал гостям:

– Прошу!

– Ой, Трифон, а что это ты в темноте сидишь?

– Пробки, – неопределенно ответил Трифон. – Осторожней, у меня тут... В общем, это из кладовки вывалилось, когда я фонарик полез искать.

– Фонарик – полумера, – деловито заявил один из гостей, бывший дворовый друг, а ныне весьма перспективный электрик. – Где у вас распределительный щит?

– Э-э... – протянул Трифон, не ожидавший от электрика такой активности, но тут свет вспыхнул, словно подчиняясь чьей-то безмолвной команде.

Или прихоти.

...Неслышному щелчку невидимых пальцев...

– О-о, наконец-то! – Гости загомонили, принялись суетливо мешать друг другу в прихожей, напоминая стаю пингвинов в клетке для хомячка. Наконец растерянному хозяину доверили важную миссию распределения гостевых пальто и шуб по площади вешалки и всей компанией ввалились в комнату.

В этот момент нужно, наверное, подробнее объяснить, что же за гости нагрянули к нашему герою.

Дворовый друг, он же перспективный электрик, с плюшевым именем Миша, явился в обществе своей юной и изображающей глубокую житейскую умудренность жены Светланы. Умудренная Светлана уже несколько месяцев была поглощена русской религиозной философией и идеями аскетизма, поэтому просила называть ее не иначе как Фотинией – по-церковнославянски, с видом знатока рассуждала об экуменизме и с затаенной гордостью заявила, что под ее воздействием теперь пост соблюдает и муж. Правда, при упоминании о посте перспективный электрик Миша скорчил крайне кислую мину.

Вторая семейная пара тоже была чрезвычайно молода: муж – ровесник Трифона, а о возрасте жены вообще упоминать смешно. Эта пара – Владислав и Нина – сразу наводила на мысли о великолепно отполированных мебельных гарнитурах, до того они были новенькие, лощеные и сверкающие. Владислав подавал надежды в качестве местного самородного поэта. Его же переливающаяся полировкой супруга занималась возвышенным бизнесом, являясь совладелицей небольшого книжного магазинчика, а по совместительству – неплохой исполнительницей экзотических танцев в главном городском ресторане «Европа».

Оставшиеся два приятеля являлись людьми холостыми и до чрезвычайности богемными. Оба принадлежали к касте самостоятельных актеров и полностью разделяли интерес Трифона к театру. Но их портило увлечение каналом MTV и злоупотребление подростковым тезаурусом. Гена и Юрий называли себя «мирным содружеством крепких перцев», а в самостоятельном театре играли почему-то роли соблазненных девственников.

И последняя гостья. Ею оказалась милая Гранечка. Гранечка, то есть Аграфена Бороздкина, была кроткой, тихой и вечно растерянной девочкой о двадцати пяти годах (впрочем, те, кто встречал ее впервые, не давали ей и двенадцати). Гранечка выглядела беззлобным, легко ударяющимся в слезы существом, для которого даже вопрос «Который час?» звучал с интонацией обвинительного приговора. Определенных занятий у Гранечки не было. Куда бы ни устраивалась она на работу: в магазин, библиотеку, прачечную или артель по изготовлению искусственных цветов, у нее не складывались отношения с начальством и коллегами. И вовсе не потому, что Гранечка нарушала трудовую дисциплину или оказывалась конфликтным работником. Отнюдь! Гранечка всегда была сама аккуратность, точность, вежливость и деликатность. И это оказывалось непосильным испытанием для коллег. Их начинала мучить совесть, терзать упреки в собственном несовершенстве, и Гранечку, как зримое воплощение этих мучений и упреков, увольняли. Хотя при этом всегда дарили памятные подарки и называли «милой». Гранечка считалась девушкой, давно и безответно влюбленной в Трифона. Ни она, ни Трифон этого не опровергали. Лень.

Итак, гости представлены взыскательному оку читателя. Но не следует думать, что они сыграют сколько-нибудь значительную роль в нашем повествовании. Хотя автор и предпочел бы наделить их важными функциями, это будет погрешностью против истины, а связываться с истиной себе дороже.

Трифон с плохо скрываемой обреченностью смотрел на неожиданных визитеров. А они меж тем взяли на себя все полномочия по организации и проведению вечеринки. Светлана-Фотиния заявила, что приготовит расстегаи, но вместо расстегаев у нее получилась слабая пародия на пиццу. Нина подрядила Гранечку резать овощи для салата, поминутно называя ее «моя милочка» и с тихой ненавистью наблюдая за тем, что та вытворяет с вареной морковью. Поэт Славик при поддержке электрика Миши наряжали чем попало притащенную с собой елку (Трифон никогда не ставил у себя в доме елки, и приятели об этом знали). А крепкие перцы Юрий и Гена изображали активную деятельность по сервировке стола.

В суматохе предзастольных дел Трифон чувствовал себя лишним и потерянным. Он так мечтал о спокойном вечере! Он почти продумал раздел, в котором напишет об оптимальном

способе корчевания одуванчиков! Конечно, Трифон не мизантроп, который сторонится всего человечества. Но иногда это самое человечество здорово треплет нервы.

Наконец приготовления к празднеству благополучно перетекли в фазу первых тостов. Впритык к елке стоял стол, милая Гранечка под руководством полированной Нины притащила тарелки с разносолами, нарезкой и ужасно надоевший, но почему-то приготовляемый всеми без исключения крабовый салат из отходов минтая. Поэт Владислав озаботился о напитках, в коих считал себя непревзойденным знатоком. Поэтому вниманию мужчин была предложена водка «Березка», а дам вынудили довольствоваться шампанским с загадочной этикеткой и сомнительным букетом. Гена и Юра сакраментально заявили, что всей водке в мире предпочитают «Клинское» и, несмотря на всеобщие протесты, выставили на стол дюжину бутылок.

Сначала тосты были удручающе стандартными. Да и душевный разговор не получался: электрик Миша пресекал в зародыше попытки поэта Славика почитать свои новые творения, Гена и Юрик откровенно потешались над резво запяневшей от шампанского милой Гранечкой, а Нина препиралась с Фотинией, старающейся направить всех на истинный путь аскетизма и отшельнической жизни. При этом пицца и салат не переставали поглощаться, батарея пустых бутылок выстраивалась у стены. И примерно часа через два после начала застолья народ капитально расслабился и пришел в ту фазу наслаждения собственной жизнью, при которой хочется поиздеваться над существованием ближнего своего. Как правило, роль такого ближнего традиционно выпадает играть хозяину дома.

– Трифон, а где твоя девушка? – поинтересовалась Нина, с выражением игривой ехидны поглядывая на Гранечку.

– Какая девушка? – озадачился Трифон. Присутствовала в его натуре этакая первобытная невинность, доставшаяся, по-видимому, от африканского папочки. И благодаря этой невинности Трифон иногда становился совершенно неуязвимым для стрел девичьей стервозности.

– Ну как же... – протянула Нина. – Такая черненькая, худенькая. Я тебя с ней видела в дансинге. В прошлый вторник. Вечером.

– Это был не я. – Трифон наотрез отказывался поддерживать светскую беседу. – В прошлый вторник я в деревне был. У Орlando Фомича. Выступал там. И по дансингам я не хожу. Времени на это нету.

Нина строптиво поджала губки. Трифон был тот еще кремешок, принудить его к поддержанию столь интеллектуального светского разговора было невозможно.

– Ох, Триша, какой ты скрытный! – Нина решила-таки оставить за собой последнее слово. – Почему ты ничего не говоришь нам, твоим друзьям? Не понимаю.

– Конечно, не понимаешь, – встрял крепкий перец Гена. – Потому что у тебя пониматоры отсутствуют. А вот у меня они есть, причем большие.

– Фу!

– Все пустословите, – задудела в аскетическую дуду Фотиния. – А с чем старость встретите? Ведь в скольких грехах покаяться придется!

– Свет, хватит, а? – умоляюще пробубнил супруг-электрик. – Ты уже всех запарила своим благочестием. Блин.

– Как ты можешь! – вспылила Фотиния. – Это тебя бесы против святой жизни настраивают. И вас всех тоже.

– Ну да, – радостно согласился Юрик. – А на фига нам эта святая жизнь сплющилась?

– Святая жизнь помогает здоровью, – поучительно заявила Фотиния. – От пьянки да курения раньше времени загнуться можно...

– Здоровье, говоришь? Гы-гы! – тут же возник Гена. – Вот ты послушай про деда одного моего кореша. Этот дед, капитально толковый мужик, между прочим, всю жизнь пил вместо воды водку, папиросу из зубов не вынимал, даже когда спать ложился, а уж баб у него было – никаких калькуляторов не хватит, чтоб пересчитать! Дожил этот хореk до девяноста лет и до

сих пор живет, как утверждает мой кореш. И еще ворует провода с линий электропередач – сдает их в пункты металлолома, чтоб на бутылку заработать. А родной брат этого самого деда, близнец, пил только молоко, курить даже и не думал, женщин не имел ни одной и умер. В трехмесячном возрасте. Вот так.

– Это все чепуха! – сердито воскликнула Фотиния-Светлана. – Это ты наверняка в Интернете выискал такую байку!

– А откуда ты знаешь? Небось сама лазишь по сайтам с пошлыми анекдотами, а, святоша?!

– Вот и нет!

– Светк, не психуй, – мирно сказал Гена. – Вопрос стоит не этим ребром. Вопрос к Трифону: где его девушка?

По лицу Нины растеклась змеиная улыбка.

– Нет у меня девушки! – отрезал Трифон. А Гранечка поперхнулась кусочком колбаски и принялась ужасно кашлять.

– Знаешь, друг, – в голосе Гены прорезались нотки задушевности. – Это наводит на определенные размышления. Это притом, что размышлять я не люблю и не умею.

– Заметно.

– Триша, неужели тебе никогда не бывает одиноко и скучно? – захлопала ресницами Ниночка.

– Нет. – Трифон мысленно проклял Нину приблизительно до седьмого колена.

– А по ночам? – не унималась юная супруга поэта.

– По ночам я сплю. У меня режим.

– Ага, режим, как же! – подал голос Гена. – Тришка, ты не просто тормоз, ты ручной тормоз! Намек просекаешь?

– А шел бы ты...

Полированная Нина скабрезно хихикнула. Похоже, она поняла Геночкин намек куда быстрее, чем сам Трифон. А милая Гранечка впервые за весь вечер оглядела окружающих с каким-то плохо замаскированным торжеством и спросила Трифона:

– И тебя это устраивает?

– Вполне.

Все заржали.

Трифон хмыкнул:

– Идиоты. Как будто мне заняться больше нечем.

– Трифон прав, – авторитетно сказала Фотиния. – Секс – это не главное в жизни. Главное – совершенство духа, и тела.

Муж Фотинии опять кисло посмотрел на нее. Видимо, он этим самым совершенством был преисполнен по самое не хочу.

– Тришка, неправильный ты какой-то. – Поэт Славик был юн, в отличие от Трифона субтилен телом, но на щеках его пылал огонь каких-то прыщаво-революционных идей. – Вот чего ты добиваешься в жизни?

«Чтоб никто не лез ко мне в душу», – хотел ответить Трифон, но из присущей ему деликатности сказал:

– Ничего.

– Как, совсем?

– Ну да. А чего добиваться-то? Все, что нужно, у меня есть. Мне даже зарплаты моей хватает. Потом на режиссерское поступлю, выучусь, буду ставить спектакли... Чего еще надо?

– Молоток, – не по-церковнославянски определила Фотиния. – А ведь ты в своих духовных исканиях продолжаешь путь греческих исихастов, индийских йогов и буддийских мона-

хов. Так сказать, черпаешь счастье в себе самом. Трифон, у тебя никогда не было желания уйти в монастырь?

– Нет.

– Зря. Из тебя бы первосортный монах получился.

– Не уверен.

– Почему?

– Поспать люблю. А у них там всенощные бдения всякие...

– Всенощное бдение – это... – начала было Фотиния, но тут ее неделикатно прервал подающий надежды поэт:

– Тришка, ты хочешь сказать, что всем доволен?!

– Да. А почему должно быть иначе?

– Потому что жизнь делают недовольные! Ищущие! Находящиеся в непрерывном движении! А ты...

– А я и не собираюсь делать жизнь. Я просто живу. И кстати, я не понимаю, какое отношение к недовольству жизнью имеет вопрос о наличии у меня девушки. Что бы изменилось, если б она у меня была?

– Все! – воскликнула Ниночка. – Ты стал бы более романтичным, мир вокруг тебя преобразился бы как...

– Ага. Ну да. Вот, оказывается, для чего нужны девушки. Мир преображать. А я-то думал, все гораздо проще...

– Грубиян!

– Просто не романтик. Нина, зато у тебя Славик – такой романтик, что закачаешься. Чего тебе от меня-то надо?

Трифон слегка покривил душой. Девушка у него конечно же была. Только она об этом не знала. А то, что наш герой скрывал от приятелей свои сердечные тайны, скорее говорит в его пользу. В конце концов, это вам не ток-шоу «Двери» с Нагием Дмитриевым, где специально подготовленные актеры разыгрывают перед зрителями сцены жутких душевных откровений.

Девушку, из-за которой Трифон изредка не спал по ночам и чьим именем собирался назвать новый сорт выведенной им среднеспелой фасоли, звали Людмилой. Но откликалась она исключительно на Димку, презируя своих родителей, которые родили ее девочкой, да еще и всучили ей столь нежное и дамское имечко. Димка Романцева с самого нежного возраста являлась звездой местной сцены. Димка была не просто симпатичной или красивой, она разила наповал. И именно за свою неотразимость она себя и ненавидела. Да, Димка хотела сделать сценическую карьеру. Но не при помощи своих бедер и волос. Ее раздражало то, что всякий мужчина, увидев ее, катастрофически и необратимо глупел. А глупых мужчин Димка ненавидела еще больше, чем умных.

Про Димку в Кимовске ходили чудовищные слухи. Мол, она хочет сделать себе кучу пластических операций, чтоб зубы не были такими белыми, ноги – стройными, а грудь – высокой и пленительной. Она носит татуировку «Это тебе не достанется, гад!» на внутренней стороне бедер. Она стрижется наголо, а во время спектаклей надевает парики. Она необратимо фригидна. Она разводит дома кроликов, а затем собственноручно их стерилизует. Она тоннами пожирает шоколад, чтоб испортить свою фигуру, достойную резца Бенвенуто Челлини. Она вообще хочет сменить пол, хотя ненавидит мужчин во всех их проявлениях.

Димка не опровергала, но и не подтверждала этих слухов. Трифону казалось, что ее они вообще не задевают.

Хитовыми ролями Димки были Энни Уилкс в постановке по «Мизери» Стивена Кинга, Антигона в одноименной трагедии Софокла и Регана в «Короле Лире». Но отнюдь не это влекло Трифона к ершистой и холодной девушке. Всякий раз, когда Трифон имел счастье лицезреть сердито-прекрасную Димку – во время ли спектакля либо в буфете, где она пила жалкий

кофе с крекерами, – его тело превращалось в подушку для булавок, а взгляд был жалким и нежным одновременно. Он понимал, что Димка – не просто существо противоположного пола. Она существо высшего порядка. Бешеная небожительница, которая никогда не снизойдет до его размеренного бытия. Трифону казалось, что призрачно-холодные глаза Людмилы-Димки взирают лишь на небеса, а ее рук достойны касаться исключительно падшие ангелы. И то, что Димка являлась официально признанной любовницей бандитского авторитета Олега, ничего не меняло. И Трифон вовсе не испытывал ревности, когда к театру подкатывал белый лимузин и Олег усаживал него аристократически безучастную ко всему происходящему Димку...

Словом, ситуация такая, что не за столом в обществе легковесных приятелей ее рассказывать. И Трифон мудро промолчал.

Компания просидела примерно до полуночи – до того момента, как тихая Гранечка уснула, уткнувшись в тарелку из-под салата. Тут уж все поняли, что пора откланяться, Гранечку с трудом разбудили (прощаясь, она старательно пыталась поцеловать Трифона в щеку, но почему-то попадала в шкаф с обувью). Гена с Юриком изъявляли активное желание остаться у Трифона ночевать под тем предлогом, что надо же кому-нибудь поливать елку. Но Трифон проявил настойчивость, всех выпроводил и остался один на один с разгромленной квартирой. А это было не особенно приятно, учитывая все усиливающуюся головную боль. Трифон выпил пару таблеток шипучего аспирина и с отвращением поплелся в кухню, где его встретили несимпатичные остатки прошедшего пиршества, грязная мойка и даже пара нагло расположившихся на столе тараканов. При виде похмельно настроенного чернокожего гиганта тараканы не изображали попытки к бегству, а нагло сидели на куске недоеденного кем-то сервелата и поводили усиками.

– Паршивцы, – сказал безо всякого выражения Трифон тараканам и по стеночке передислоцировался в комнату. Предварительно поклявшись самому себе в том, что отныне и навсегда водка изгоняется из его жизненного расписания.

Пиршественный разгром почему-то показался еще более неприглядным. Елка раздражала своим дурацким видом, тем более что гости не придумали ничего лучше, как украсить ее всем, что попало им в квартире под руку. Поэтому с веток свисали тюбики с зубной пастой и кремом для бритья, носовые платки, вилки, невнятные плюшевые игрушки, оставшиеся с детских времен, и прочая чепуха. Трифон, кривясь как от зубной боли и неожиданно резко раздражившись на самого себя за несанкционированное веселье, принялся собирать со стола грязные тарелки. При этом у него мелькнула циничная мысль о том, что, будь у него девушка (обычная, на каждый день, а не блистательная Димка, конечно!), эту неприятную процедуру вкупе с мытьем посуды и дальнейшей уборкой квартиры можно было бы передоверить ей. Эти мысли вовсе не означают, что Трифон был несамостоятельным мужчиной, способным только паразитировать на теле любимой женщины. Но вы же знаете, даже у самых порядочных мужчин бывают такие мысли... Иногда.

С горкой грязных тарелок Трифон опять поплелся в кухню и...

Нет, не надо думать, что он, согласно законам комедии «Тупой и еще тупее», растянулся с этими тарелками на полу, зацепившись за какой-нибудь каверзно лежащий предмет. Мы не в Голливуде, и наши люди, даже будучи в состоянии жестокого абстинентного синдрома, тарелок не роняют. Талант, как говорится, не пропасть.

Так что Трифон, когда увидел это просто остановился.

Замер.

Забыл дышать, поэтически выражаясь.

Потом все-таки выдохнул, медленно присел на корточки, груды тарелок поставил на пол, чтоб рук не занимали...

И внимательно посмотрел на это, отчаянно моля небеса о комментарии происшедшего.

Однако небеса молчали, и Трифон сидел и бессмысленно пялился на продолговатую коробку, обтянутую блестящей розовой бумагой для упаковки подарков и украшенную белорозовым пышным встрепанным бантом, чем-то похожим на пирожное с кремом.

Коробка как коробка.

И проблема заключалась только в том, что, когда Трифон провожал друзей, а потом шел из кухни в комнату, ее на полу не было.

Трифону показалось, что его горла коснулись прохладные тонкие пальцы.

И пахло от пальцев почему-то ладаном.

Место, неизвестно

Время неизвестно

Все это можете придумать сами

Он набрал в легкие побольше воздуха и прорычал:

– Горе вам, о непотребствующие и заплесневевшие в грехах своих, ибо грядет на вас... мм... грядет на вас... Проклятие, что бы такого придумать?!

Две крупные ящерицы цвета хаки с песком задумчиво взирали на человека, энергично рвущего на себе остатки волос. Они наблюдали за ним не первый день. Впрочем, время здесь не имело значения.

Человек перестал рвать на себе волосы, плюхнулся на валун, издав при этом нечто вроде придушенного воя, достал из складок своей убогой одежды книгу, напоминающую сильно засаленный и лохматый кирпич, и принялся ее листать, шепча под нос:

– Раздел третий, раздел третий, ага, вот... «Асобенастей насылания праклятий». «Для того, чтоб наслатъ ужасное праклятие на народ, страну или палитическую партию, нада прешде всиво определицца с видом праклинения. Практинения бывают следующих видов...»

Человек перечитал виды «практинений», вздохнул и покачал головой.

– Ничего не получится, – грустно сказал он ящерицам. – Эта должность явно не для меня. И чего ради я сюда приперся?!

Человек отшвырнул засаленную книгу. Если б ящерицы умели читать⁷, они прочли бы название: «Стань правидцем всиво за сорок дней. Гарантия исполнения прарочеств! Удобно и качественно!» Эта книга пропахала в душе человека глубокие борозды и заставила его поверить в то, что он вовсе не мелкий клерк в фирме по продаже настенных кварцевых часов, а великий провидец и предсказатель грядущих напастей. Человек бросил место в фирме, квартиру, жену и чужую жену и через некоторое время оказался здесь, где говорить можно было только с ящерицами. И предсказывать смену климата скорпионам. Но человек не сдавался. Он верил, что стать пророком сегодня гораздо легче, чем получить место коммерческого директора.

А то, что ему пока не удалось толком сформулировать ни одного пророчества и предвидеть хоть какой-нибудь солидный мировой катаклизм, – мелочь, не заслуживающая внимания. Он утешал себя тем, что, наверное, все великие пророки так начинали. Хотя, конечно, налицо был недостаток пророческого образования. Латынь и греческий ему так и не дались.

Человек откашлялся, вытряс из рваной сандалии песок и опять обратился к ящерицам:

– Се, зрю, как грядут на вас...

И в этот миг нечто, похожее на молнию, ударило его в медный лоб и заземлилось в пятках. Человек зажмурился и завизжал. Вокруг него вздымались песчаные дюны, лопааясь и опадая, как пузыри на поверхности манной каши. Книга «Стань правидцем» засверкала так, будто в ее недрах взорвали атомную бомбу. Ящерицы занервничали и с нехарактерной для себя резвостью удрали прочь.

⁷ Нет никакого доказательства того, что ящерицы читать не умеют.

Человек открыл глаза. Если бы ящерицы остались, они не преминули бы заметить, что глаза человека стали похожими на яростно раскаленные угли.

И голос нового провидца загремел под серыми от страха небесами:

– Вы что, ничего не чувствуете, идиоты?! Она действительно надвигается! Я не шучу!!! Она является в мир, чтобы...

Человек, скорчившись, упал на раскаленный песок и закрыл голову руками. С неба на него посыпались камни вперемешку с чем-то, здорово похожим на ядерный птичий помет. Но человек этого даже не замечал.

– Господи, – скулил человек, отплеываясь от набившегося в рот песка. – Я и не ожидал, что на самом деле это будет так ужасно!

г. Кимовск, Тульская область, Россия

8 января, четверг, 00:45

«Ух ты!» – хмыкнул Трифон и потянул руку к банту, украшавшему странную коробку, справедливо полагая, что у него галлюцинация на почве неумеренных возлияний. И этой галлюцинации положено развеяться от одного прикосновения.

Пальцы коснулись шелковистого выгиба ленты.

«Не глюк».

Трифон Вамбонгович напрягся.

Нет, коробки точно не было до сего момента. И никто принести ее не мог, потому что...

Он бы это помнил.

«Может, это бомба?» – защекотала мозг неприятная мысль, но ее Трифон немедленно отринул как абсолютно неприемлемую. Он человек мирный, жизнь у него неаппетитная, так что убивать его при помощи коробки с пластидом – только зря упомянутый пластид переводить.

– Черт знает что, – хрипло выдавил из себя Трифон, решительно развязал бант и снял с коробки интимно зашуршавшую крышку.

И заорал, отшатываясь как черт от ладана.

Отшатываться из положения «сидя на корточках» – довольно неудобное и сложное занятие, требующее не одного месяца регулярных тренировок. Посему неудивительно, что, отшатнувшись, Трифон вписался своей довольно-таки солидной пятой точкой прямо в грудку грязных тарелок. Так что поклонники фильма «Тупой и еще тупее» наконец-то могут быть удовлетворены.

Противный хруст раздавленной посуды и последовавшие за ним крайне неприятные ощущения вернули Трифона к липкой реальности. Он перестал орать, крепко выругался, отряхнул штаны от налипших осколков вперемешку с селедочными костями и сказал себе:

– Спокойно. Этого не может быть.

Однако это было. И через минуту, и через пять коробка оставалась на месте. И... ее содержимое тоже.

Трифон пересилил себя и вновь заглянул в коробку.

Первое впечатление его не обмануло.

Это действительно была рука.

Весьма изящная рука мирно покоилась в атласном гнездышке коробки. Цвет руки был очень даже симпатичный – нежно-персиковый с оттенком топленого молока, словно рука изредка загорала в хорошем солариум...

«Что за фигня?!» – мысленно возмущился Трифон.

Пальцы руки – тонкие, с очаровательными морщинками на фалангах и прелестными миндалевидными ноготками – были явно дамской принадлежности. Между указательным и средним пальчиками вызывающе торчал листок бумаги. Трифон вздохнул, досчитал до трех с поло-

виной и потянул за этот листок, содрогаясь от неприятного ощущения. Развернул бумажку и прочел:

«Нопшество от вирмы «Чжоу Чунг Ху Юй» – многопунксианальная рука! Сработана из экологисески систых products! Помощь в доме! Выпалняит сто различных опирасий! Даверьте ей свае хазяйсво и вы забудете problems! Товар серсифисирован. Перед испольтсованием знакомиться с instruction нада».

Трифон облегченно выдохнул. От прочтения безграмотной бумажки загадка не стала более разъясненной, но у нее хотя бы появилось вполне реальное происхождение. И его непонятный кошмар превратился в обычную китайскую поделку. А впадать в состояние предкоматозного ужаса перед товаром явно левой «вирмы» по меньшей мере неразумно. Трифон и не впал. Брезгливо морщась, он рассматривал руку в коробке и пытался рассуждать о том, каким образом она водворилась в его коридоре. Да, и еще нашему герою хотелось бы уточнить, какие такие сто операций выполняет это пластмассовое (или силиконовое? Или пьезокристаллическое?) жутковатое чудо. К тому же англоизированный призыв перед использованием руки ознакомиться с инструкцией был невыполним – похоже, никакой инструкции в коробке и не пахло. Словом, чепуха какая-то. Хлам в подарочной упаковке. Трифон бросил бумажку-рекламку поверх прелестных пальчиков и тщательно закрыл коробку крышкой. Пускай китайцы сами такими руками пользуются, у них сознание, дзеном извращенное. А русский мужчина, хоть и африканского происхождения, далек от подобных «нопшеств».

Вот только как же эта коробка у Трифона оказалась?

И зачем?

Да, и разумеется, надо выяснить, что же с нею делать!

Потому что выкинуть в мусоропровод как-то... Жалко, что ли.

Наш Трифон, конечно, честно попытался поразмыслить над этими фундаментальными вопросами. о голова вскоре думать отказалась. И Трифон не мудрствуя лукаво сунул коробку с дурацкой рукой в кладовку, наивно полагая, что в ближайшее время сможет не только рассортировать там весь накопившийся хлам и отправить его на помойку, но и разобраться с этим «рождественским» подарочком. Ха, может, это все-таки проделки крепких перцев?! Тем более что Гена и Юрий всегда были признанными специалистами в устройении мелких пакостей всему человечеству. Не кто иной, как они, прошедшим летом устроили в городском парке секс-шоп на выезде и орал в мегафон, призывая прогуливающих с детишками вполне респектабельных матрон разжиться неприличными имитаторами и всякими возбуждающими кремами. Что странно, парковая милиция никак не прореагировала на столь вопиющее хулиганство. А однажды эти остроумцы-негодяи не поленились устроить истерику в главном городском универмаге «Юбилейный», пугая пришедших за покупками домохозяек воплями о том, что, по последним сообщениям Интерфакса, в килограммовых упаковках стирального порошка «Эпос-Био-С-Зелеными-Гранулами» обнаружены споры сибирской язвы и тайваньского гастрита. Этим пакостники вызвали обвал цен на товары бытовой химии и сильную головную боль у менеджеров по продажам. Так что, логично рассудил Трифон, Гена и Юрий вполне могли подкинуть ему эту коробку. Тем более они давно намекали Трифону, что пора бы ему огрести от них какую-нибудь пакость, а то живет слишком спокойно.

Трифон мысленно пообещал Гене и Юрику многочисленные и суровые кары за столь пошлую шуточку и постарался переключиться на конструктивную идею о немедленной уборке квартиры. Наш герой не был чистюлей, но всякий бытовой разгром имеет свои пределы. Осколки тарелок на полу действовали Трифону на нервы. Он вспомнил, что в последний раз видел веник в районе своего письменного стола, а совок... Нет, насчет совка – это уже слишком. Ну откуда в доме молодого, не обремененного хозяйственными инстинктами мужчины быть такой неромантической вещи, как совок? Настоящие мужчины, славные холостяки, используют в этом качестве газетный лист. Или старый номер «Пентхауза». Трифон пошел к пись-

менному столу, обрел веник, погребенный под пыльным собранием сочинений Бернарда Шоу, выдрал из какого-то старого журнала лист поплотней, и тут его «повело». Нет, не так, как «ведет» горького пьяницу новая лошадиная доза паленой водки. Навалилась слабость, от которой тело словно потеряло все кости и расплылось, как кусок сливочного масла по горячей сковородке. А за возможность заснуть немедленно Трифон готов был просто отдать душу. К желанию молодого человека выспаться добавилось осознание того, что вокруг него хмурилась пустая неприбранная квартира с неласковым холодильником и пренаглыми тараканами. Словом, никакой радости для усталого мужчины в самом расцвете сил!

И Трифон мирно уснул. Прямо на полу. Подложив под щеку лохматую сторону веника.

А каждому читателю давно известно, что, покуда литературный герой спит, сюжет не останавливается. В нем происходят не самые скучные процессы, в которые герою предстоит включаться сразу же после пробуждения.

Итак, наш герой, как и полагается иногда герою, спит, и снится ему...

...Лето. Дача. Грядки с подросшими кустиками картофеля. Сам Трифон – сверкающе-эбеново-мускулистый в набедренной повязке из старой скатерти – стоит средь волнующей ветерком картофельной своей плантации. И ощущает себя царем, со скипетром-тяпкой в одной руке и герметичной банкой для отлова колорадских шестиногих членистоногих – в другой. Идет Трифон меж гряд, тяпочкой культурно каждый кустик окучивает, а чуть заметит где полосатую арестантскую робу наглого шестिनного, так сразу подцепляет его с листа и в банку, в банку! А в банке, для пушного томления полосатых колорадцев, налита ядовитая смесь керосина с карбофосом. Членистоногие картофельные эки при виде карающего Трифона, конечно, стремятся прочь с места своих преступлений – бросают увлекательные занятия по спариванию да пожиранию свежих листиков, падают с куста наземь, притворяются мертвыми, уходят в несознанку. Но Трифон, картофельный самодержец, прозирает суровым оком эти хитрости, и ни один хитинооблаченный наглец не уходит от его карающей длани. А над дачей, над картофельным океаном, над ручейками фасоли, джунглями укропа и райскими кущами смородины наливается закатной спелостью небо, и пахнет от неба сладким яблоком грушовкой...

Хорошо Трифону от такого сна, весело. И уж собирается он во сне прополоть грядочку с огурцами сорта «Зозуля», как видит, что на этой самой грядке, безжалостно разрушая все Трифоновы агрономические ухищрения, расположилась самая большая жизненная неприятность нашего героя. А именно: сидит в установленном прямо на грядке кресле Трифопова родственница Октябрина Павловна (ох, не царство ей небесное!), вяжет. Чего в действительности отродясь за нею не водилось. Спицы мелькают, очки поблескивают. И духами родственничкиными – «Белая сирень» – по всему огороду пахнет, прямо как в грозу в начале мая!

– Октябрина Павловна! – возмутился было Трифон, но родственница сурово на него посмотрела:

– И тебе это не надоело?

– А че такого... – вмиг растерялся Трифон. И стало ему противно оттого, что почувствовал себя снова совсем как в детстве, когда приходил он домой, вывозившись в грязи да велосипедной смазке, а Октябрина Павловна принималась его жестоко отмывать и отчитывать. И потом заставляла три часа подряд разучивать романс Алябьева «Соловей». Без перерыва на обед. И всегда поступала так, что Трифон чувствовал себя без вины виноватым!

– Чего вам от меня надо, тетя?! – Трифон во сне решился на такое фамильярное обращение, чего никогда не делал в реальности. – Вы мне и так жизнь испортили – грядку с огурцами загубили, а теперь еще и воспитывать, что ли, надумали? Это вам-то лично не надоело?

– Как ты со мной разговариваешь, мальчишка! – Тон у Октябрины Павловны даже и во сне напоминал гудение трансформаторной будки.

– Я вам не мальчишка! – вспылil Трифон. – Говорите побыстрее, что вы в моем сне делаете, и отправляйтесь... куда-нибудь. Мне еще надо колышки для фасоли вбивать!

– Скажите пожалуйста, какие мы занятые! – насмешливо фыркнула Октябрина, еще и повозилась в кресле, чтоб оно поплотней да поглубже утоплю ножками в грядку и размяло водянистые огуречные стебли. – Ты мне не указывай! Понимаешь ли ты, Трифон, что твое существование есть прямой позор всего нашего рода!

– С какой же стати? – насутился Трифон. Почел он эти обидные слова прямым намеком на свое незаконнорожденное происхождение, и точно: принялась презлобная Октябрина Павловна, сверкая очками и противно трясая морщинистым подбородком, перечислять все Трифоновы прегрешения, вольные и невольные. И родился-то он от проезжего молодца, и мать-то у него оказалась бесстыдницей да паскудницей, коли байстрючка бросила на ее, Октябрино, попечение... И самой-то Октябрине Трифон жизнь скособочил, потому что, не будь его, она бы наконец сумела удачно выйти замуж за одного солидного чиновника, а негритенок-родственник стал досадной сему помехой... К тому же сам Трифон надежд не оправдал – в изящных искусствах себя не проявил, не стал ни вторым Кобзоном, ни Лиепой, ни Глазуновым, ни даже Николаем Расторгуевым!

– Лучше бы ты, Трифон, вырос среди привокзальных бродяг, стал первостатейным бандитом, наводящим ужас на окрестности, чем превратился вот в такое законопослушное нечто! – визжала старая Октябрина. – Серость ты непроходимая! Землеройка ты неамбициозная!

Трифон стиснул кулаки, причем жест этот у него получился впервые, как во сне, так и наяву.

– Отстань, старая! – прорычал он. – Мало того что ты надо мной все мои лучшие годы экспериментировала, как над кроликом, так и сейчас покоя не даешь! Да уж лучше б я действительно был бандитом – ты б тогда против меня и пискнуть не смела! Так радуйся, что я не бандит, а актер! И к тому же – будущий режиссер!

– Акте-о-ор-рр!!! – раскатилась-расхохоталась тетка Октябрина, вспугнув голосищем стайку воробьев. – Из такого ничтожества актеры не выходят! А режиссеры – тем более! В тебе нет честолюбия! Нет жажды славы! Твое существование идет по инерции! Ты не борешься с трудностями! Не подходишь к жизни творчески! А ведь пора уже об этом подумать! К Пушкину слава пришла в шестнадцать лет, к Шолохову в двадцать два... А вот ты так и просидишь всю свою жизнь на этих чертовых грядках с картошкой! И сказок о тебе не расскажут, и песен не споют!

– Пусть не споют, – спокойно сказал Трифон. – Переживу. И вообще, моя жизнь – это не ваша проблема!

– Как же не моя?! Да я, глядя на такую твою жизнь, просто в гробу переворачиваюсь!

– Октябрина Павловна, вас же кремировали.

– Не имеет значения. Так вот, Трифон, мой тебе завет: оставь сцену. Стань обывателем окончательно. Устройся на завод «Кимовсктара». Сделай ремонт в квартире. И женись. Это обязательно.

Трифон во сне никогда не злился. А тут накатило.

– Засуньте свой завет знаете куда? – прищурил он свои волоокие, а в данный момент зло сверкавшие глаза. – Я буду жить так, как сочту нужным. Сам. И пошла вон с грядки, старая стерва!

Октябрина Павловна завопила гневно:

– За стерву ты у меня отдельно получишь! Я клянусь, что устрою тебе такую судьбу, что ты сам в петлю полезешь! И не будет тебе от меня покою, противный щенок!

Понимает Трифон остатками сознания, что совсем неприятный получается сон: с криками, с проклятиями и прочей драматической чепухой. Еще и триллер добавляется: после таких воплей Октябрина Павловна здорово видоизменилась, обернулась устрашающим скопищем колорадских жуков и расплзлась по всему огороду.

– Такой вариант меня не устраивает! – крикнул жукам Трифон и принялся опрыскивать их раствором специальной убойной жидкости «Фас».

Но что какая-то жидкость супротив Октябрины Павловны!

В мгновение ока жуки рассредоточились по картофельным грядкам, повисли на кустах смородины, напоминая грязно-рыжие бороды ночных татей да лиходеев. До слез стало обидно Трифону, что все его ухищрения огородные даром пропали. И впрямь хоть в петлю лезь.

Но Трифон, конечно, не полез. Дурак он, что ли? Тем более что сон его сделал новый оборот, и теперь видится Трифону, будто стоит он в каком-то магазине, разглядывает выложенные на прилавке химикаты для борьбы с огородными вредителями. И магазин этот впритык заполнен всяким сельскохозяйственным инвентарем. Трифон приглядел себе газонокосилку уцененную да пакет с дустом и заоглядывался в поисках продавца, потому что даже во сне не мог Трифон уйти из магазина, бессовестно прихватив понравившийся товар и не заплатив.

– Есть тут кто-нибудь? – спрашивает Трифон, и неожиданно гулко звучит его голос в этом маленьком захламленном помещении.

– А как же! – радостно отвечает писклявый девичий голосок откуда-то из-за леса лопат и грабель.

И вот уже перед Трифоном стоит некая особа юного и прелестного телосложения – в коротеньком платьице и босоножках, коленки расцарапаны, ногти на пальцах пообломаны, словом, резвушка. Только вот голова у резвучки хоть и симпатичная, но старческая, волосы седые волной по плечам струятся, личико в морщинках.

– Ох, – только и выдавил из себя Трифон.

– Что, миленький, не признал? – улыбается старушечья голова на девчоночьих плечах. – А ведь я тетя Капа, гардеробщица школьная, защитница первая твоя от гнева Октябрины Павловны.

Трифон всматривается в лицо странной старухи-девочки. И верно: это тетя Капа, которая частенько выгораживала его перед гневной родственницей, покрывала Трифоновы шалости, нос ему вытирала, штанишки от грязи-пыли отряхивала, и, бывало, прятался Трифон во вверенной ее попечению раздевалке, когда не хотел идти на урок сольфеджио или рисования. Тетя Капа тоже давно умерла, еще раньше Октябрины Павловны, но ее потерю Трифон переживал глубже. И сейчас он искренне обрадовался старушке.

– Тетя Капа, а что это вы такая... странная?

Та засмеялась – и по-девичьи звонко, и по-старушечьи одышливо:

– Да вот уж так судьба распорядилась, Тришечка! Хоть и померла я, а силы жизненной неизрасходованной во мне еще немало было, оттого и тело девичье. А старость свои следы на лице оставила... Но ведь скажи, Тришечка, ежели мне голову отрезать, так ведь по телу-то мне больше тринадцати и не дашь?

– Тетя Капа, что вы за ужасы говорите! Не надо отрезать вам голову!

– Не надо так не надо, – кивает тетя Капа и хитренько так на Трифона посматривает. – А чего сюда пришел-то?

Трифон растерялся.

– Так ведь это сон.

– Сон? Ну пускай будет сон. Слух до меня дошел, что Октябринка опять тебе жизни не дает и из могилы судьбу твою мутит. Так?

Трифон вспоминает легионы жуков.

– Похоже на то. Хотя я не понимаю, чем ей так насолил.

– А ничем, – улыбается тетя Капа, только грустно. – Злыдней всегда была твоя опекунша, злыдней и померла. На весь мир злилась, все проклинала его за то, что ни славы он ей не принес, ни богатства. Не любила никого, да и ее никто не любил. И ты ей был ровно кость

в горле – дитя незаконное, все она подкидышем тебя звала... не об том речь. Ты опасайся, Тришенька.

– Чего?

– Беды какой. Очень уж коварная да злобная эта Октябрина Павловна. К примеру, может грипп на тебя наслать. Или даже перелом голеностопного сустава какого-нибудь.

– Да бросьте вы, тетя Капа! И быть такого не может!

– Тришенька, ты не спорь, а меня, старую, слушай. Нужна тебе защита от всякого коварства: и людского и нелюдского. Оберег в дом. Ты пока погляди тут, а я подумаю, что сделать можно.

– Да я уж поглядел. Вот газонокосилку бы купил. Она в качестве оберега не подойдет?

– Шутник, – хмыкает тетя Капа невесело. – Погоди-ка, есть тут у меня под прилавком значка дефицитных товаров...

Тетя Капа скрывается под прилавком, словно батискаф уходит на глубину. На уровне Трифоновых коленей раздается скрежет, приглушенное чертыханье и шум, будто от рассыпанного ящика с гвоздями. Наконец тетя Капа появляется.

– Вот, – говорит она. – То, что надо.

И выкладывает на прилавок руку.

Такую же руку, какую Трифон уже видел недавно наяву.

– Только не это! – кричит Трифон.

– Почему? – удивляется тетя Капа. – Она на первое время тебя и от злых напастей оборонит, и вместо хозяйки в доме будет. Покуда, допустим, не женишься. Ей, руке-то этой, много не надо, только хвали да благодари. Ну, мыть иногда не забывай. А уж она на тебя поработает от души, не нарадуешься...

И протягивает руку Трифону. А та вдруг пальцами этак изящно шевельнула: приветик, мол, молодой человек!

– Господи, кошмар какой! Нет, тетя Капа, и не убеждайте, не притронусь я к ней. Мало ли от кого эту руку отрубили!

– Глупый! Не отрубали ее вовсе! Она есть великое изобретение и подарок всему человечеству!

– Ну пускай тогда все человечество с нею и водит дружбу, а я не буду. Тем более что у меня уже такая есть.

Тетя Капа изумляется:

– Откуда же?

– Сам не знаю. В коридоре лежала коробка. Открыл ее, а там рука. И бумажка, сообщающая, что рука эта какой-то китайской фирмой с неприличным названием изготовлена.

– То подделка, Тришенька, – убежденно говорит тетя Капа. – Явный контрафакт. Толку тебе от нее никакого. А вот эта рука – и защита тебе, и поддержка. Уважь меня, старую, возьми.

И так умоляюще смотрит тетя Капа на Трифона, что он сдается.

– Ладно, – говорит. – А сколько же мне платить за нее надо, тетя Капа?

– А нисколько, – сразу просияла та. – И газонокосилку забирай. Подарок это тебе от меня, Тришенька!

– Ну... спасибо.

Трифон берет таинственную руку. И брезгливость смешивается в нем с удивлением, потому что рука эта тепла человеческим теплом и кажется совершенной. Исполненной таинственной жизни.

– Вот и ладненько. – Тетя Капа растроганно смахивает слезу. – Пойду я к себе, пора. Хорошо, хоть еще разок свиделись, дитеночек!

– Счастливо вам, тетя Капа. – Трифон видит, как его покровительница тихо растворяется в магазинном сумраке. И слышит в ответ:

– Ты уж ее не обижай...

Тут бы и пора сну кончиться. И он вроде как кончается, потому что Трифон видит себя уже не в магазине садового инвентаря, а на диване в собственной гостиной, перед включенным телевизором. И с экрана доносится до него следующая звонкая речь:

– Мы рады вас приветствовать в нашем телемагазине! Сегодня вашему вниманию мы представим не надувные матрацы, кастрюли-скороварки и пояса для похудения! Нет, это нечто совершенно особенное! Это настоящая мечта каждого мужчины! Точнее, теперь это уже не мечта, а совершенная реальность, которую вы можете приобрести за смехотворную сумму! Это «Леди Забота» – новейшая разработка кибернетических технологий! «Леди Забота» – это реальная помощь одинокому мужчине в любом возрасте! Решение многих проблем! Она настоящая подруга жизни, истинный знаток того, чего действительно хочется мужчинам! Она удобна в обращении, не требует источников питания, ее легко мыть, легко хранить, легко переносить! Возьмете ее с собой в поход или на рыбалку – она приготовит вам перекусить, помое посуду и всю ночь будет отгонять комаров от вашей палатки! Начнете в доме ремонт – ей ничего не стоит зашпаклевать все труднодоступные щели, побелить потолки, приклеить обои и даже поменять сантехнику! Вы возвращаетесь поздним вечером с банкета – она заботливо поможет вам добраться до дома и не заблудиться в собственном подъезде, а кроме того, именно она с утра угостит вас пивом, чтоб вы не мучились от головной боли. А промозглым осенним вечером, когда ваш автомобиль по самые дворники заляпан грязью, на всех мойках очереди, а самому заниматься мытьем просто непосильный труд, только скажите этой руке: «Помой машину!» – и она блистательно сделает это, не страшась ни проливных дождей, ни лютых холодов! Просто невозможно перечислить, что она способна сделать для вас, потому что она способна на все! Заведите себе заботливую женскую руку – изобретение ведущих восточных специалистов по роботронике и нанотехнологиям! Тот, кто позвонит нам прямо сейчас и закажет портативный модуль «Леди Забота» по нашей супернизкой цене, получит вторую руку бесплатно! А кроме того, вы получите вот эту прекрасную терку для творога, часы для варки корок и подставку под холодное! И эти чудесные и необходимые в быту вещи тоже совершенно бесплатно! А если вы расскажете об этой рекламе пятнадцати вашим друзьям и знакомым, вам будет счастье! Звоните и получайте!

Трифон изумленно таращится на экран. Там, на всем протяжении этого рекламного ролика, вертится-вихляется перед зрителем очень знакомая дамская ручка... «Вот надоела-то!» – подумал Трифон, берет пульт, переключает программу и попадает на трансляцию заседания Госдумы. И сразу становится интересно, потому что на трибуне заходится в крике самый эпатажный политик Выжиновский.

– Этого нельзя допустить! – вопит Выжиновский так, что микрофон отключается автоматически. – Это не только нарушение наших конституционных прав, но и прямое ущемление достоинства русских мужиков! Да! Я предлагаю объявить войну Китаю, чтоб они прекратили производство этих поганых рук! Однозначно! Русский человек должен иметь бабу целиком, а не по частям! А то сегодня у него рука, завтра он купит ногу, послезавтра... еще чего-нибудь, а кто ему детей родит?! Да за это надо сразу расстреливать, как при Сталине, да!

Депутаты начинают кричать хором, кидаться в оратора стаканами, и Трифон опять меняет канал. Но какая бы программа ни шла: «Конкретный инстинкт» со Светланой Сойкиной, «Золотой квадрат» с Вирджинией Вульф, «Дуршлаг» с Энигмой Желудицкой, «Чем отстирать миллион» с Максимом Леонидовичем, – везде речь идет об одном и том же.

О действующей модели заботливой женской руки.

Даже на MTV от нее не было спасения. Циничный ведущий «Позорной десятки», вертя в своих волосатых лапах лениво отбивающуюся руку, донес до зрителей информацию о том, что лидером отстойного рейтинга на этой неделе стал заводной хит времен советской индустрии «Руки рабочих, вы даете!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.